

Джанноццо Манетти. «Жизнеописания Сократа и Сенеки». От переводчиков

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-1-229-290.

Джанноццо Манетти (1396–1459), флорентиец, плодовитый писатель, известный отечественному читателю преимущественно по трактату «О достоинстве и превосходстве человека», неоднократно обращался к биографическому жанру. В 1440 году, еще находясь на службе родному городу, он сочинил жизнеописания Сократа и Сенеки (и тогда же — биографии «трех флорентийских венцов», Данте, Петрарки и Боккаччо). Впоследствии, когда Козимо Медичи порвал с Венецией ради союза с герцогом Миланским, Манетти, обвиняемый с связях с венецианцами, подозреваемый в шпионаже, наконец покинул родину (1453), найдя себе место на службе папскому, а потом неаполитанскому престолу. Третья и последняя редакция «Жизни Сократа и Сенеки» (1456) была посвящена Альфонсо Великодушному, королю Арагона (с 1416) и Неаполя (с 1442). Это сочинение Манетти — одно из проявлений того, как ожил интерес к биографическому жанру под влиянием Плутарха, чьей популярности флорентийцы обязаны Мануилу Хрисолору, в свое время приехавшему во Флоренцию преподавать греческий с томом «Сравнительных жизнеописаний». Используя ценные источники (например, заново открытые «Анналы» Тацита), поддаваясь общим заблуждениям (смещение двух Сенек, отца и сына, благодаря которому в римской истории возникает фигура человека, в юности едва не заставшего Цицерона и ведшего свою безукоризненную жизнь еще столетие, пока ее не прервала нечестивая рука Нерона), с обстоятельностью, доходящей до мелочности, Манетти рисует двух образцовых философов древности, умевших с обширной образованностью и высокими умозрениями сочетать гражданские доблести и завидную практичность.

Перевод выполнен по изданию в серии I Tatti Renaissance Library (Manetti, Baldassari & Vagemihl, 2003). «Вступление» и «Жизнь Сократа» — пер. Э. Р. Андреевой, «Жизнь Сенеки» — пер. Р. Л. Шмаракова, примечания Р. Л. Шмаракова.

ДЖАННОЦЦО МАНЕТТИ
ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СОКРАТА И СЕНЕКИ*

ВСТУПЛЕНИЕ

Альфонсо, королю Арагонскому

1. Яснейший и славнейший государь, блистательную жизнь философа Сенеки Испанского, некогда написанную мной на латыни, я уже давно послал бы твоему величеству, если бы не считал ее отправку недостойной твоего исключительного и отменного превосходства. Но недавно уразумев из писем Франко¹, превосходнейшего посла нашего, что ты, прочитав истории и анналы Тита Ливия и справедливо оставив все войны против христианских князей и народов, обратил свой дух лишь к прекраснейшим занятиям моральной философией и по этой причине, как я понял ясно и недвусмысленно, испрашивал у него упомянутое жизнеописание Сенеки (бывшего, как известно, князем латинских философов, не в обиду всем будь сказано), я не мог больше отказывать в её отправке и её откладывать, опасаясь, что если не отправлю просимое столь исключительному и могущественному королю, особливо же — столь любезно и учтиво требующему, как бы мне не сделаться неприятным твоей ясности, которую мне подобает паче прочих чтить, уважать и благоговеть перед нею, как ради некоего величайшего изобилия королевских достоинств, так и ради безмерного величия многочисленных твоих королевств и не менее того — ради почти невероятного блеска многочисленных и великих твоих добродетелей, и которой паче всего желаю я услужить, угодить и понравиться.

2. Ты же ради своей выдающейся и исключительной человечности, оказываемой людям любого рода, а также своей отменной благосклонности к образованным и учёным мужам прими, прошу и молю, с душою радостной и счастливой этот наш маленький подарочек, что бы ты о нем ни думал, который, конечно, я никогда не дерзнул бы послать тебе и устыдился бы его малости и незначительности, не будь он, как

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © Э.Р. Андреева; Р.Л. Шмараков. Оригинал: *Manetti G. Biographical Writings / ed. and trans. from the Latin by S. U. Baldassari, R. Bagemihl. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2003. — (The I Tatti Renaissance Library ; 9).*

¹Франко Саккетти, внук и тезка известного новеллиста, был флорентийским послом в Неаполе в 1450 г.

мы сказали, тобою испрошен. А чтобы не обесценилось это наше сочиненьице пред королевским взором, явись оно одиноким и нагим, без сравнения с кем-нибудь из греческих философов, решил я, добавив к нему жизнеописание Сократа, некоторым образом его украсить, ибо не мог отыскать никого из греков, хоть многое у них прочитал усердно и внимательно, кто казался бы мудрее и сходнее с твоим Сенекой, чем Сократ.

3. Прими же, вновь прошу и молю, с благодушным и королевским расположением это наше сочиненьице, что бы ты о нем ни думал. В нём содержатся два жизнеописания превосходнейших мужей, пространные и обстоятельные, а не краткие и урезанные, как обычно делается. В этом мы подражали паче прочих Плутарху, который свел воедино некоторых знаменитых мужей, как греков, так и латинян, написал по-гречески достопримечательные жизни людей, взятых в сравнении, и создал таким образом великое и славное сочинение, названное по-гречески «Parallela». Если мы пожелаем перевести это дословно на латинский, уместно будет назвать это «Сравнениями», хотя сам Плутарх говорит, что не смог отыскать среди греков ни одного, кого можно было бы сравнить с Сенекой, по причине исключительного и выдающегося изобилия его многочисленных добродетелей². Мы же, оставив Плутарха и его сравнения, обратимся к нашим философам, но прежде кратко коснёмся немногих вещей, клонящихся к малому и скудному — не повествованию о всех твоих качествах, затем что это, очевидно, требовало бы огромного и безмерного тома, но, скорее, к сжатому и сокращённому восхвалению некоторых твоих доблестей и к смиренному и благоговейному поощрению этого твоего дивного и поистине божественного замысла.

4. Чем основательней и внимательней, яснейший владыка, размышляю я как о благородном и древнем роде, от которого ты приходишь, так и о выдающихся и удивительных подвигах прежней твоей жизни и наблюдаю это нынешнее похвальное намерение подлинно королевского духа относительно прекраснейших занятий моральной философией и сокрушения варварских племен, тем сильнее чувствую побуждение превозносить тебя, восхищаться тобой, чтить тебя и уважать. Мне, часто помышляющему о выдающихся качествах твоих, ты обыкновенно представляешься таким и столь великим, что, кажется, намного превзошёл и родом, и могуществом, и славой подвигов, и добродетелями, и образованием прочих князей нашего времени и уже давно, кажется

²См. Petr. Fam. XXIV.5.3-4.

мне, сравнился с твоими предками — не только с оными древнейшими и славнейшими королями, но даже с Адрианом, Феодосием и Аркадием, Гонорием и другим Феодосием, кои, хоть и рождены от испанских родителей, были, несомненно, императорами римлян.

5. Чтобы никто не счел, что наше суждение о твоих замечательных качествах в сем предисловии высказано из лести, затронем немного из упомянутого. Начнем с происхождения: ты ведёшь старинный и знатный род от древнейших испанских королей, славнейших и знаменитейших князей, от коих по долгому и непрерывному преемству ты получил обильное наследство и обширные царства, не только сохранив их доныне, но дивно приумножив. Ведь хотя фортуна, часто препятствующая и противостоящая храбрым и благородным мужам, в разных случаях решительно противилась тебе, занятому с сухопутными войсками и морским флотом отважным завоеванием королевства Апулии, ты всё же одолел ее долгою стойкостью и неким удивительным и почти невероятным претерпением холода, зноя, голода и бодрствования, так что всё упомянутое королевство Апулии с великой славой получил в свое владение.

6. Предо мной откроется широчайшее поле для блужданий, если я пожелаю обстоятельнее описать и подробнее изложить твои доблести, как, по-видимому, требовал бы порядок речи. Этого я намеренно избежал, посчитав, что лучше совсем молчать, чем сказать немного, особенно обращаясь к тебе. Что же мне сказать о твоей исключительной и выдающейся образованности, которая такова и так велика, что может показаться удивительным и невероятным, как столь занятый и столь могущественный король, научающийся военному делу непрерывно с детства и доныне, стяжал познания и в словесности, и в красноречии, и в истории? Ведь к выдающемуся знанию латинской словесности ты присоединил обширные познания в истории и ораторском искусстве, благодаря основательному и усердному чтению сделав Тита Ливия, которого мы среди прочих наших историков заслуженно зовём отцом истории, столь знакомым и близким тебе, что даже в военных походах не отпускал его, как говорится, дальше, чем на палец, так что и посреди военного гула подчас наслаждался приятным его чтением.

7. В этом, как и в прочих достопамятных случаях, ты без колебания следовал по славным следам твоих предков, которые, как тебе ведомо, так восхищались всеобщей славой его сочинений, что пожелаали увидеть пред собою его самого, хотя и жившего в Риме и отделённого от них большими пространствами моря и земель. Ведь у Иеронима, пишущего

где-то о нём, ты читал следующее: «К Титу Ливию, струящему млечный ток красноречия, приходили, как мы читаем, некоторые знатные мужи из дальних пределов Испании и Галлии, и тех, кого Рим не привлек посмотреть на себя, привела слава единого человека. Познала та пора неслыханное в прочих веках и достославное чудо: люди, пришедшие в столь великий город, искали чего-то помимо города»³.

8. Если же ты присоединишь занятия моральной философией к ораторским и историческим, о чём тебя премного прошу и умоляю, не только далеко превзойдёшь прочих правителей нашего времени, но, очевидно, сравняешься даже с древними и прославленными королями. Ведь к своему знатнейшему и древнейшему роду, величайшему могуществу, многочисленным публичным и частным добродетелям и невероятной славе подвигов ты прибавишь выдающиеся познания и образованность в многочисленных свободных искусствах. А столь великая громада всех благих свойств, как мы видим, не доставалась никому из древних и наших королей.

9. Поэтому, вооружившись свободой речи и самой истиной, мы не усомнимся теперь повторить и утвердить то, что некогда, помнится, сказали тебе, бывшему тогда в Неаполе, когда мы отправляли должность посла флорентийского народа⁴. Воздавая несравненную и должную хвалу твоим качествам, как то подобало, мы сказали следующее: «Ты ведь, если не упоминать твоих добродетелей, произошедший от древних королей, управляешь обширными и многочисленными королевствами. Братья твои, твои родичи — великие и блистательные короли. Сохранив для себя многочисленные королевства, ты можешь украсить и прославить своих сыновей королевскими инсигниями.

10. Если доведется тебе обрести преславное потомство от столь замечательного брака единственного сына и ты поставишь оных внуков королями в неких иных наследственных королевствах, не знаем, найдется ли подобный твоему пример среди знаменитых князей древности. Ибо мы, прилежно читая еврейские, греческие и латинские книги, от самого сотворения мира не можем отыскать короля, чьи братья, родичи, дети или внуки были одновременно королями». К этим столь выдающимся и небывалым отличиям, кои, как мы видим, уже пришли или придут к тебе благодаря обретению счастливого и знатного потомства,

³ Hieron. Ep. ad Paul. (PL 22: 541A).

⁴ Манетти был флорентийским посланником при бракосочетании Фердинанда, сына Альфонсо, с Изабеллой Кьяромонте (1445).

ты прибавил две удивительные и почти невероятные вещи, а именно: отменные познания во многих науках и твердое намерение обратиться против бесчеловечных и варварских племен, на что мы надеемся и верим, видя, что ты заключил и утвердил мир и согласие со всеми христианскими князьями и народами.

11. Воздав таким образом усердную хвалу твоему величеству, в конце нашей речи обратившись к Богу, мы излили смиренную и благоговейную мольбу в сих словах: «По той причине, что наши времена сверкают дивным могуществом твоего величества, коего, как видим мы, лишены были древние времена, весьма восхваляемые достойными авторами, мы просим всемогущего Бога в благочестивых молитвах, да соблаговолит подарить тебе внуков от сего счастливого и благоденственного брака». Теперь, когда мы услышаны, мы должны гораздо больше просить и усерднее молить, да удостоит Он сохранить твой дух обращённым к превосходнейшим занятиям моральной философией и к одолению варварских и бесчеловечных племён, сохранив его таким — приумножить, приумножив — помогать ему и благоприятствовать, чтобы в сей смертной жизни невероятным обилием столь великих благ ты победил и превзошёл не только королей нашего времени, но и твоих древних предков, с наибольшей пользой для всех христиан и великой честью для веры нашей, и после смерти стяжал небесные награды за славнейшие твои труды.

12. Верим и надеемся, что это случится с тобой, если, отложив прочее, ты обратишься всецело к превосходнейшим занятиям моральной философией и к славным победам над варварскими народами. О том, чтобы ты совершил это, я молюсь всеми силами души и тела, сколько могу, обратившись благоговейным и чистым духом ко Господу нашему Иисусу Христу, дабы Он благоволил наделить и ущедрить тебя милостью Своей за надежное спасение христианских народов и отменное расширение католической веры; и настоятельно прошу тебя, да примешь смиренно и благоговейно Его милость, уже уготованную тебе предвосхищением твоего духа, да желаешь, приняв ее, почитать, поклоняться ей и за нею следовать, дабы стяжать упомянутые награды смертной и вечной жизни. Здравствуй долго и счастливо и, прошу и молю, соблаговоли иногда вспоминать Джанноццо, вернейшего слугу твоего величества.

ЖИЗНЬ СОКРАТА

13. Философ Сократ, как сообщают, был родом афинянин, из округа Алопеки; отец его был Софрониск, каменотёс или, лучше сказать,

ваятель, а мать — Фенарета, повитуха⁵. От таких родителей был он рожден на четвёртый год семьдесят седьмой олимпиады, в пору высшего процветания этого города, в день, когда афиняне свершали очищение города⁶. «Ведь этому городу, — как кратко замечает историк, — начало дали не пришлецы и не отовсюду стекшийся сброд, но основали его люди, родившиеся на той же земле, где живут, и жительство их там же, где рождение. Они первые научили обрабатывать шерсть, употреблять масло и вино; тем, кто питался жёлудями, они показали, как пахать и сеять хлеб. Кроме того, греческая словесность и красноречие, и весь порядок гражданского воспитания почитают Афины как бы храмом»⁷ и так далее.

14. Кроме того, он родился в то время, когда Афины цвели и славою подвигов, и мудростью, и усердием в благих искусствах. И сам он появился на свет украшенным удивительным разумом и исключительной памятью, отменными дарами природы, хоть от простого рода произошёл и в раннем возрасте в этом кругу и воспитывался⁸. Но когда начал взрослеть, приложил усилия к занятиям науками. Закончив начальное отроческое образование (хотя некоторые говорят, что он в ту же пору и с деревом работал, и иногда обтесывал камни), он, отлично обученный диалектике, в цвете своей молодости вместе с Еврипидом изучал физику у Анаксагора Клазоменского, превосходнейшего философа своего времени⁹; пылая какой-то дивной страстью к познанию, он юношею продолжал учиться под началом Анаксагора, пока тот не был приговорен то ли к изгнанию, то ли к смерти по различным клеветническим обвинениям. Среди прочего он обвинялся в том, что солнце, которое афиняне почитали за божество, он трактовал как всего лишь пылающий камень. Передают, что впоследствии в этом обвиняли Сократа, когда он был призван обвинителями к уголовному суду. Среди прочего ведь ему вменялось в вину, что он считал и называл солнце камнем, а луну — землей.

15. После осуждения Анаксагора Сократ, говорят, обратился к физику Архелаю, его ученику, чтобы у него вызнать истинные причины природных явлений. Ведь Цицерон где-то говорит: «Сократ слушал

⁵Diog. Laert. II.8; Манетти пользовался латинским переводом Амброджо Траверсари, завершённым в 1433 г.

⁶Diog. Laert. II.4.

⁷Iust. Epit. II.6.1–5.

⁸Val. Max. III.4. Ext. 1.

⁹Diog. Laert. II.9.

Архелая, Анаксагорова ученика»¹⁰. В самом деле, он, как говорят, слушал Архелая вживую очень долго и ради этого отправлялся с ним или на Самос, или в Дельфы, или на Истм (мнения философов об этой его поездке с Архелаем разнятся)¹¹, а после того, как прочёл усердно и тщательно книги умершего Анаксагора и, охочий узнать, как возникают и гибнут все вещи, наткнулся на какое-то сочиненьице Гераклита, он, наконец утомлённый долгим исследованием великих и высочайших вещей, направил свои усилия на этику, то ли считая, что ни в чем нельзя достичь точного и истинного знания (таково старинное мнение академиков, которое от Сократа, словно от главы и истока, распространилось и проистекло), то ли думая и веря, что изучение естественной истории бесплодно для доброй и счастливой жизни (как прямо и недвусмысленно говорит Диоген Лаэртский в книге «О жизни и нравах философов»), то ли для того, чтобы, очищая разум от всякой заразы пороков занятиями истинной философией, легче достичь познания высочайших и божественных вещей (как утверждает блаженный Августин в восьмой книге «О граде Божиим»)¹².

16. Совершенно отказавшись потому от такого рода занятий как тёмных, несерьёзных и пустых и почитая их за ничто, так как от них не может произойти никакой пользы для человеческой жизни, он, посвятив некоторое время военной службе, занялся затем, как мы сказали, исследованием нравов. Он ведь следовал с войском в Амфиполис и в сражении, бывшем при Делии, подхватил и спас Ксенофонта, упавшего с коня, когда же, побежденный, с остальными бегущими афинянами покидал поле битвы, часто украдкой оглядывался назад, чтобы отразить нападение, попытайся кто-нибудь напасть с тыла. Он был и в походе за море, на Потидею (туда было не добраться посуху, помехою была гремевшая война), и там ночь напролет провел в одной позе; с отменной храбростью сражаясь в этом походе и наконец победив, он, говорят, по своей воле уступил награду за победу Алкивиаду, которого сильно любил¹³. Совершив эти и подобные выдающиеся военные подвиги с великой славой для своего имени, он обратил ум, как мы сказали, к изучению нравов и так ему отдался, что немного позже начал считаться первым открывателем или высшим представителем этого рода

¹⁰Cic. Tusc. v.4.10.

¹¹Diog. Laert. II.3.

¹²Diog. Laert. II.1; August. De civ. VIII.3.

¹³Diog. Laert. II.3; Plat. Symp. 219e–221b.

философии. Первым, конечно, он почитался из-за своего превосходства: хоть Пифагор и оставил кое-какие сочинения о нравах и добродетелях¹⁴, но всё же признают, что именно Сократ свел философию с небес и водворил в городах.

17. Цицерон, говоря о нём, где-то пишет: «Но с древности до Сократа, который слушал Архелая, ученика Анаксагора, философией изучались числа и движения: откуда всё появляется и куда уходит, и были прилежно исследуемы размеры звёзд, расстояния, пути и все небесные явления. Сократ же первым свел философию с небес, водворил в городах, и даже ввёл её в дома, заставив рассуждать о жизни, о нравах, о благих и дурных делах. Его разносторонний образ рассуждения, разнообразие предметов, величие дарования, увековеченные в памяти и в книгах, породили многочисленные школы спорящих философов»¹⁵. И в той же книге он выражается так: «Не только мне, но, чему я часто удивляюсь, и предкам нашим казалось так же за много веков до Сократа, от которого пошла вся житейская и нравственная философия»¹⁶. И в другом месте, в книгах «Обязанностей», рассуждая о честном и полезном, говорит так: «Поэтому Сократ, как мы узнали, и был склонен проклинать тех, которые первыми в высказанных ими мыслях разграничили эти вещи, по природе своей связанные между собою. Стоики согласились с ним вплоть до того, что признали, что все честное полезно и что не бывает ничего полезного, что не было бы честным»¹⁷. А во второй книге «О пределах» он говорит: «Когда же Сократ, которого по праву можно назвать отцом философии, делал что-то подобное?»¹⁸

18. Он обладал таким умом и усердием, что, хотя дважды был, как мы показали, в далёких местах на военной службе, имел двух жён, прижил с ними много детей, и даже отправляя несколько магистратур в Афинах, за всем тем не пренебрегал поэзией (начну с менее значительных вещей). Был он также пылким и скорым на слово и говаривал, что все достаточно красноречивы, говоря о том, что знают¹⁹. Сверх того, он ведал искусство рассуждения, которое греки называют диалектикой, так что не колебался учить ему публично и давать наставления. Чтобы

¹⁴Hieron. Apol. 2 (PL 23: 487); Euseb. Praep. evang. XIV.5 (PG 21: 1197).

¹⁵Cic. Tusc. V.4. 10–1.

¹⁶Cic. Tusc. III.4.8.

¹⁷Cic. Off. III.3.11 (пер. В. О. Горенштейна, с изменениями).

¹⁸Cic. Fin. II.1.1.

¹⁹Cic. De or. I.4.63; Diog. Laert. II.9; Xen. Mem. I.2.31.

это не казалось никому удивительным, стоит послушать Апулея, который, рассуждая о Платоне в книге о его учении, говорит так: «Платон взял физическую философию у пифагорейцев, а диалектику, то есть умозрительную и нравственную философию, воспринял от самого ее источника, Сократа»²⁰. И чтобы не считаться несведущим в музыке, он учился играть на лире, не смущаясь прилагать к этому усилия в пожилом возрасте²¹; неясно, делал он это для успокоения души или для обучения, как пишут некоторые авторы. Иные же говорят, он потому играл на лире, что не считал стыдным учиться тому, чего не знал²². Кажется, этого мнения придерживается и наш Цицерон, который в книге «О старости» пишет «Когда я услышал, что Сократ играл на лире, я тоже захотел учиться этому (ведь древние обучались лире)»²³ и так далее. И в другом месте он говорит: «Верхом образованности греки считали струнную игру и пение. Потому и Эпаминонд, величайший (по моему суждению) из греков, говорят, прекрасно играл на лире, и Фемистокл несколькими годами ранее был сочтён невеждою, когда отказался от лиры за пиршественным столом»²⁴. Некоторые, однако, полагают, что он для того научился искусству игры на лире, чтобы, утомляясь от частых размышлений о высочайших предметах, получить некоторую передышку. Считающих так побуждает к этому преимущественно тот довод, что он иногда ради передышки играл с детьми, зажав трость меж ногами: говорят, Алкивиад, его друг и наперсник, увидев это, посмеялся над ним²⁵.

19. Кроме того, он не был несведущ в физике, хоть и отрицал, что он или иные люди и даже кто из философов может хоть что-нибудь точно знать об этом²⁶. Почти в самом конце жизни он заявлял, что знает лишь одно, а именно, что ничего не знает, прибавляя, что одним этим отличается от прочих мудрецов: прочие уверяли, что знают то, чего не знают, сам же он, точно так же ничего не зная, объявлял, что не знает²⁷. Наконец, он один вызвал этику, ранее сокрытую и неизвестную, на свет из тьмы неведения, где она лежала погребённой много

²⁰Apul. De dog. Plat. 1.3.

²¹Val. Max. VIII.7. Ext. 8.

²²Diog. Laert. II.2.

²³Cic. Sen. 8.26.

²⁴Cic. Tusc. III.2.3.

²⁵Val. Max. VIII.8. Ext. 1.

²⁶Diog. Laert. II.5.

²⁷Diog. Laert. II.2; Plat. Ap. 21c–22e, 29b; Cic. Acad. I.4.16; I.2.44; II.3.74.

веков с сотворения мира. Ведь, если Пифагор первым и молвил кое-что о добродетелях и нравах, как мы сказали, сказанное им было, однако, тёмным и ложным, ибо он сводил всё к числу, так что своими учениями он способствовал мало или вовсе никак истинному пониманию добродетелей и благой и счастливой жизни²⁸.

20. Сократ, следовавший за ним, рассуждал о самих добродетелях яснее и вернее. Хотя Аристотель, наставник и князь философов (исключая Платона)²⁹, в этом отношении его оспаривал, высмеивал и, если верить Цицерону, презирал³⁰, поскольку Сократ определял добродетели как знания, однако Платон, прославленный его ученик (чье суждение я хоть и не предпочитаю аристотелевскому, однако не думаю, что его стоит ценить ниже суждения Аристотеля), а также прочие выдающиеся мудрецы весьма его хвалили, утверждая, что он первым свел философию с небес и водворил в городах. Но аристотелевское возражение Сократу здесь можно отвести на основании одного лишь его познания в нравственности, основанного на высочайшей безукоризненности его нравов и жизни, вследствие чего Сократ не только одним согласием всех людей, но и божественным оракулом Аполлона, как гласит предание, был признан мудрейшим из всех³¹ (хоть прежде такие люди назывались не «мудрецами», а «философами» — *название, изобретенное* Пифагором). И хотя Аполлон молвил истину, думают, что, возвестив это, вопреки укоренившемуся обыкновению оракулов, прямо и недвусмысленно, он навлек народную зависть на мужа, праведнейшего и безупречнейшего из всех, и содействовал его смерти³². Умерев так, Сократ избежал многочисленных невзгод человеческой жизни. Я склонен верить этому, так как Аполлон был двусмысленным и темным и всегда отвечал некими околичностями и загадками.

21. Когда же упомянутый Аполлонов оракул счел его, как мы сказали, мудрейшим из всех, Сократ не мог надивиться, потому что не почитал себя мудрым и не думал, что оракул может лгать и изрекать неправду. Ведомый этим удивлением, думая, что это изречение Аполлона, по старинному обыкновению оракулов, облечено в загадки и двусмысленно, он решил испытать всякий род людей, по общему согласию считающихся

²⁸Diog. Laert. II.0–21; Cic. De or. III.9.72; Cic. Brut. 8.31.

²⁹Cic. Fin. V.3.7.

³⁰Ссылка, видимо, на Cic. Off. I.1.4, где речь идет о взаимном презрении Аристотеля и Исократов, но в рукописях часто встречается Socrate вместо Isocrate.

³¹Val. Max. III.4. Ext. 1.

³²Diog. Laert. II.8.

мудрыми, дабы увидеть, мудрее ли они его. Поэтому, расспросив испытания ради и правителей государства, и художников, и поэтов, и даже философов, он прямо и ясно понял и увидел, что никто из них не мудр. Однако он заметил, что отличается от всех упомянутых лишь тем, что они заявляли, что знают то, чего не знали; сам же он, точно так же ничего не зная, признавал, что не знает. И он толковал двусмысленное и темное высказывание оракула таким образом, как будто сказано было: «Из вас, о люди, мудрейшим был бы тот, кто подобно Сократу уразумел бы, что ничего не знает»³³.

22. Кроме того, хотя Аристотель отменно и превосходно трактует об определениях душевных добродетелей и их различиях, он, казалось, не сообщает усердным читателям ничего, благодаря чему к добродетелям стремились бы пламеннее, пороков бы избегали старательнее. Вот за что Сократа и Платона у греков, у наших же — Цицерона и Сенеку хвалили паче прочих: от их увещаний и дремлющие люди, и чем-то занятые решительно пробудились для невероятной любви к добродетелям и для отречения от пороков: это, как мы видим, написал блаженный Августин о «Гортензии» Цицерона; он говорит, что, случайно наткнувшись на эту книгу, он был охвачен за чтением столь великим пылом к философии, к коей эта книга побуждала, что, удивительно сказать, немедленно переменил свой образ мыслей и обрел совершенно иные стремления и желания³⁴.

23. Великая слава этого превосходнейшего мужа и замечательного философа распространилась, особенно по всей Греции, так что многие блистательные цари и славнейшие владыки пытались письмами, послами и подношеньем даров пригласить и призвать его к себе. И Архелай Македонский, и Скопас Краннонский, и Еврилох Ларисский, как мы читаем, звали его и отправляли огромные суммы денег в дар, чтобы он охотнее согласился³⁵. Но Сократ, благородно отвергнув драгоценные дары помянутых царей, не принял посланных денег и не захотел к ним отправиться. И столь велико было его влияние в Афинах, что подчас он дерзал действовать вопреки обыкновениям сограждан. Казалось, это позволено ему по праву из-за некоего исключительного его положения. Ведь Цицерон в книге «Об обязанностях» говорит так: «И никто

³³Plat. Ap. 23b.

³⁴August. Conf. III.4.7.

³⁵Diog. Laert. II.5.

не должен впадать в заблуждение, решив, что если Сократ или Аристипп совершили или высказали что-нибудь противное обычаю или гражданскому правопорядку, то это же самое дозволено и ему. Ведь те люди достигали подобной вольности своими великими и богами им внушенными качествами»³⁶.

24. К чему ещё говорить о его учености? Столь высокое повсюду распространилось мнение о его познаниях и добродетели, что, когда он учил свободным искусствам в Афинах, ученики отовсюду стекались слушать его. Каждодневно сбегалось множество учеников столь великое, что его школа наполнялась исключительными и выдающимися юношами, кои шли наперебой, чтобы у него учиться³⁷. И он делал это не ради мзды, но даром; доказательством сему была крайняя нищета, жестоко его угнетавшая³⁸. За всем тем кажется, что богатые и состоятельные имели обыкновение иногда давать подарки своему учителю и наставнику. Посему Эсхин, один из учеников, будучи так беден, что из-за бедности не мог дать ни денег, ни подарков, сказал: «Не нахожу ничего достойного тебя, что мог бы тебе подарить, и лишь в этом одном признаю свою бедность и немощь. Итак, даю тебе себя самого, не имея ничего дороже этого». Сократ, как сообщают, ответил ему самым учтивым и благородным образом: «Ты дал мне великий дар. Я попытаюсь вернуть тебя тебе лучшим, чем принял»³⁹. Когда же он убеждал Алкивиада, что он недостоин зваться человеком, что нет никакого различия между Алкивиадом, высокородным, всех превосходящим исключительной красотой тела, и любым носильщиком, юноша так терзался, что не удерживался от слёз. Потому он умолял Сократа, прося снова и снова, чтобы тот научил его добродетели и отвратил от бесславия. Так Алкивиад сделался Сократовым учеником⁴⁰.

25. Среди многих знаменитых его учеников, кои после его смерти были названы *сократиками*, паче прочих прославлены Ксенофонт и Платон. Из учеников же Платона наиболее выдающимся был Аристотель. Так как один из них, происшедших от Сократа, был основателем и главой академической, а другой — перипатетической школы, несомненно, что все свободные искусства, сколько их ни произошло от этих двух превосходных и выдающихся философских школ, мы должны возводить

³⁶Cic. Off. I.1.148 (пер. В. О. Горенштейна).

³⁷Gell. NA. VII.0.4.

³⁸Diog. Laert. II.7.

³⁹Diog. Laert. II.4; Sen. Ven. I.8.1–2.

⁴⁰Cic. Tusc. III.2.77.

к нему, как главе и истоку. Цицерон выразил это прямо и недвусмысленно в таких словах: «Таким образом, у той истинной и утонченной философии, которая, беря начало в Сократе, доныне жива у перипатетиков и у говорящих то же на иной лад стоиков, между тем как академики обсуждают их разногласия, нет или почти нет латинских памятников»⁴¹. И в другом месте он говорит: «Кроме того, стали бы напирать на тебя толпы философов, начиная с их родоначальника и главы, Сократа, и уличать тебя в том, что ты не имеешь никакого понятия ни о добре, ни о зле, ни о движениях души, ни о людских нравах, ни о смысле жизни, что ты ровно ничего не исследовал и ничего не знаешь»⁴². И в другом месте, говоря о нём же, он пишет вот что: «Его дарование и разнообразные беседы обессмертил в своих сочинениях Платон; от самого же Сократа не осталось ни одной написанной буквы. С той поры и возник тот раскол, так сказать, языка и сердца, раскол бессмысленный, вредный и достойный порицания, именно — обычаем учить отдельно мысли и отдельно речи. Действительно, у Сократа было множество учеников: так как из всевозможных, различных и многосторонних его рассуждений одних увлекало одно, других другое, то и возникли среди философов как бы разные семейства, очень несхожие и несогласные между собою, хотя все философы одинаково считают себя и хотят называться последователями Сократа. И вот, прежде всего, от самого Платона пошли Аристотель и Ксенократ, один из которых дал имя перипатетикам, а другой — Академии. Затем от Антисфена, которого привлекала у Сократа, главным образом, проповедь терпения и твердости, пошли сначала киники и потом стоики; потом от Аристиппа, увлекавшегося больше беседами о наслаждении, проистекла философия киренаиков, которую он сам и его последователи защищали открыто, а вот нынешние мыслители, для которых наслаждение — мера всех вещей, хотя и делают это скромнее, ни достоинства не соблюдают при всем старании, ни наслаждения, которым хотят овладеть, не могут отстоять. Были и другие философы, все объявлявшие себя последователями Сократа, — эретрийцы, эрилловцы, мегарцы, пирроновцы»⁴³.

26. Посему мы можем с полным правом называть и объявлять Сократа зачинателем всей философии и красноречия. Как наш Цицерон добавляет немного позже: «И вот, подобно тому как реки с Апеннин

⁴¹Cic. Tusc. IV.3.6.

⁴²Cic. De or. I.0.42 (пер. Ф. А. Петровского).

⁴³Cic. De or. III.6. 60–62 (пер. Ф. А. Петровского).

растекаются в разные стороны, так с общего хребта мудрости растеклись в разные стороны науки; и если философы, так сказать, стекались в верхнее Ионийское море, море греческое, богатое гаванями, то ораторы спускались в наше нижнее Тирренское, варварское, скалистое и негостеприимное»⁴⁴. И чтобы сделать наше утверждение яснее: в другом месте Цицерон, говоря о Сократе, выражается таким образом: «Так рассуждал этот зачинатель философии»⁴⁵.

27. Нет сомнения, что ему было присуще понимание многих важных вещей; кроме острого ума и исключительной памяти, весьма у него сильных, в расспросах и стяжании знаний он выказывал какое-то удивительное и почти невероятное усердие. Как явствует из книг Платона и из свидетельства Аристотеля, он пылал удивительной жаждой учиться. Платон, в почти всех своих книгах изображающий беседующего Сократа, часто выводит его расспрашивающим то Горгия Леонтийского, то Продика Кеосского, то Гиппия Элидского, то прочих прославленных софистов того времени, объявлявших, что готовы говорить о любом предмете, о каком кто ни захочет послушать, что было тогда обычаем во всей Греции. И Аристотель где-то пишет, что Сократ всегда спрашивал и никогда не отвечал, ибо заявлял, что ничего не знает⁴⁶.

28. Кроме того, Цицерон прямо свидетельствует это в таких словах: «Ведь это, как ты знаешь, старый сократовский способ оспаривать мнение другого. Сократ ведь считал, что так легче всего отыскать то, что больше всего схоже с истиной»⁴⁷. Хоть он утверждал, что ничего не знает, но обычно обсуждал так, что обсуждаемое им казалось мудрым мужам удивительным и противоречащим общему людскому мнению. Поэтому они называли это по-гречески «*парадоксами*» и считали их изреченными по божественному вдохновению. Столь великое усердие выказывал он в частых размышлениях о великих предметах, что его иногда заставляли недвижимого от одной утренней зари до другой, в неизменной позе, без движения и не смыкая глаз, будто пораженного изумлением, как свидетельствует Авл Геллий в книге «Аттических ночей»⁴⁸.

29. Если помыслить хоть немного о том, каким умом он обладал, затем о том, с каким усердием он слушал многочисленных выдающихся

⁴⁴Cic. De or. III.9.69 (пер. Ф. А. Петровского).

⁴⁵Cic. Tusc. V.6.47.

⁴⁶Arist. Soph. el. 183b 6–8.

⁴⁷Cic. Tusc. I.4.7–8.

⁴⁸Gell. NA. II.1.2.

философов, сколь многих учёных людей он расспрашивал и как беспрестанно был погружён в размышления, его добродетели уже не будут удивительны. И хотя его знания были обширны и разнообразны, он, однако, всегда утверждал, что ничего не знает, или скорее (говоря более точно), он, будучи весьма ироничен, утверждал, что не знает ничего, кроме лишь того, что ничего не знает. Это «одно известное Сократу» вызвало такое раздражение Аркесилая, что он осмелился осудить чрезмерную смелость сказавшего⁴⁹. В этом смиренном заявлении о своем незнании он следовал своей природе: во всех делах своих он по действию и понуждению природы широко пользовался иронией, в этом отношении сильно отличаясь от большого числа софистов его времени⁵⁰. Они, хоть не знали ничего или знали мало, заявляли, что о любом предмете — столь они были дерзки и бесстыдны — могут говорить перед людским собранием. Сократ же, хоть знал многое, выказывал свое незнание, ибо он, как подобает людям ироничным, особенно сторонился кичливости. «Ведь ироники, — по словам Аристотеля, — особенно избегают кичливости, как поступал Сократ, который, хоть знал многое, однако утверждал, что ничего не знает»⁵¹.

30. Придерживаясь этой иронической манеры всю свою жизнь, он ни разу не склонился написать что-нибудь, за исключением дня накануне смерти. Тогда переложил в стихи Эзопову басню и сочинил хвалу Аполлону, о чём немного позже, когда речь пойдет о его смерти, мы скажем подробней. У нас нет никакой записи его учения, если только кто-то не пожелает назвать книги Платона записями Сократа, его учителя. Почти во всех них, когда Сократ изображается говорящим, мнения, кои в диалогах Платона выражаются его словами, можно подлинно назвать принадлежащими Сократу — и наоборот, сказать, что произносимое устами Сократа суть мнения Платона. В этой *иронии*, как она зовется у греков, или притворстве (*dissimulatio*), как она переводится на латынь, сам он, говорят, превосходил всех прочих остроумием и человечностью. Находились такие, которые эту софистическую практику речей, «хотя сами блистали ученостью и дарованием, — как говорит Цицерон, — отвергали и презирали. Во главе их был тот самый Сократ, который, согласно свидетельству всех образованных людей и согласно мнению целой Греции, как по своей рассудительности, находчивости, прелести и тонкости

⁴⁹Cic. Acad. I.2.45.

⁵⁰Cic. Off. I.0.108; Cic. De or. II.8.270.

⁵¹Arist. Eth. Nic. IV.3, 1127b.

ума, так и по своему разнообразному и богатому красноречию в любой области легко выходил победителем»⁵². Итак, об этом мудрейшем муже не столько книги, коих он не писал, свидетельствуют, что он хорошо говорил, сколько ученики, от него вышедшие, — что он прекрасно учил.

31. Благодаря остроте ума и невероятному прилежанию в занятиях у него не было нужды, как у прочих философов, странствовать, чтобы обрести столь великую и столь исключительную мудрость, за исключением военных походов и путешествия за границу с физиком Архелаем, его учителем, о чем мы сказали выше. Но, оставаясь всегда на одном месте, он усердно спорил с близкими и с учёными людьми и стремился высшей пронизательностью разума не столько опровергнуть их суждения, сколько самому отыскать, что есть истина⁵³. Таким способом он обрёл столь великое знание о предметах человеческих и божественных, что заслужил имя и славу как бы некоего земного оракула человеческой мудрости⁵⁴. Коротко сказать, во всех спорах он говорил вещи, которые сами философы, не говоря уже о людях обычной жизни, считали, как выше сказано, вдохновленными божеством. Но хотя можно сказать много о его занятиях, пусть будет достаточно того малого, что уже сказано.

32. Теперь же кратко скажем о его внешности и домашних привычках. Он был, как сообщают, тщедушен, курнос и плешив и — чтобы одним словом охватить все его телесное уродство и нескладность — был безобразен и неопрятен, как, прямо полагает Иероним в первой книге «Против Иовиниана»⁵⁵. И хоть он был, как мы сказали, величайшим философом, однако вёл в Афинах гражданскую жизнь, подобно прочим гражданам, общаясь с афинянами, и живя в браке, и исполняя гражданские должности, и вообще не пренебрегая ничем, что считалось относящимся к гражданству.

33. Говорят, что у него была не одна только, а две жены. Ведь некоторые утверждают, что Ксантиспа, своенравная и сварливая, и Мирто, дочь знаменитого Аристида Справедливого, были у него одновременно (иные же говорят, что в разное время). Говорящие, что две жены были у него в разное время, пишут, что первой он взял в жёны Ксантиспу, второй — Мирто; это мнение восходит к Аристотелю. Считающие же, что

⁵²Cic. De or. III.6.59–60 (пер. Ф. А. Петровского, с изменениями).

⁵³Diog. Laert. II.2.

⁵⁴Val. Max. VII.2. Ext. 1a.

⁵⁵Hier. Adv. Iov. I.

он был женат сразу на обеих, приводят такое объяснение этому браку. Афиняне, видя, что город от долгих войн и непрерывных поветрий лишён граждан и почти пуст, старались, сколько могли, восстановить его и произвести потомство. Поэтому, говорят, было постановлено, что всякий житель Афин может завести и держать двух жён сразу; сообщают, что Сократ последовал этому постановлению афинян и имел двух упомянутых жён. Но в разное ли время или одновременно, все соглашаются в том, что у него были дети от обеих: от Ксантиппы он родил сына по имени Лампрокл; от Мирто же, на которой женился без приданого, родил двух детей, Софрониска и Менексена⁵⁶.

34. Он отправлял многочисленные государственные должности, а вдобавок держался с редким и исключительным терпением дома и вне дома. В самом деле, с жёнами, особенно с Ксантиппой, своенравной и сварливой, день и ночь кипящей домашними ссорами и переворачивающей весь дом, и с детьми, больше похожими на жену, чем на него, он нуждался в исключительном терпении. Есть множество примеров его непревзойденного терпения, как дома, так и на людях, но краткости ради достаточно будет рассказать несколько из них. Две эти упрямые женщины состязались из-за своего мужа, хоть он, как мы сказали, и был уродлив, в удивительной борьбе, словно можно было его разделить. Так, когда однажды они бранились, а Сократ над этим посмеивался, они, оставив свои перебранки, обратили на него столь неистовый натиск, что ради спасения ему пришлось обратиться в бегство⁵⁷. Ксантиппа непрестанно ругала его, и весьма резко. Однажды случилось, что, потрясаемая невероятным бушеванием гнева, расшвырявшая, после многочисленных оскорблений, нанесённых мужу, она, высунувшись из окна, нарочно обдала его грязной водой⁵⁸.

35. И это, и подобное — поношения, проклятия, обиды, несправедливость — он терпел невозмутимо, выказывая свою терпеливость, приправленную шутками и остротами, к несравненному общему изумлению. После того, как его позорно окатили грязной водой, он сказал, что почти не удивлен, зная, что после грома обычно идёт дождь, или, вернее, так: «Разве я не говорил, что Ксантиппа гремит, а когда-нибудь разразится дождём?» Однажды, когда она среди площади стаскивала с него плащ, друзья уговаривали его открыто отомстить ей обиду,

⁵⁶Diog. Laert. II.6.

⁵⁷Hier. Adv. Iov. I.

⁵⁸Diog. Laert. II.6.

причинённую на людях, он же сказал: «Прекрасно было бы, если бы мы пререкались и спорили, а нам отовсюду кричали: „Давай, Сократ! Давай, Ксантиппа!“»⁵⁹

36. Когда же из-за таких и многих других обид Алкивиад сказал ему, что не стоит терпеть Ксантиппу, столь своенравную и злоую, он отвечал, что уже давно привык к этим домашним поношениям и жениным дерзостям и благодаря им научился держать себя на людях⁶⁰. Авл Геллий же в книге «Аттических ночей» пишет следующее: «Передают, что Ксантиппа, жена философа Сократа, была крайне своенравна и сварлива и день и ночь исходила гневом и женскими досадами. Алкивиад, пораженный этой ее разнузданностью по отношению к мужу, спросил Сократа, каков же расчет, почему он не выгонит из дома столь злобную женщину. „Потому, — сказал Сократ, — что, когда я терплю ее такую дома, то привыкаю и упражняюсь, чтобы также и вне дома легче сносить несдержанность и несправедливость других“. Эти слова он сопроводил остротой, спросив: «Разве ты не терпишь гогочущих гусей?» — а когда тот сказал: «Но они приносят мне яйца и птенцов», Сократ отвечал: «А мне Ксантиппа рождает детей»⁶¹. Кроме того, Лампрокла, сына своего, по отношению к матери весьма сурового и немилосердного, он смягчил и смирил уветами, наконец вернув ему подобающее уважение к матери⁶². Это о домашних его делах.

37. Есть много случаев такого рода, произошедших и на людях. При разговоре он обыкновенно от пылкости речи размахивал руками и рвал волосы (греки называют это *хирономией*, или «законом жестикуляции»; она возникла в героические времена). Многие над ним из-за этого смеялись, он же не только невозмутимо сносил бранные слова, но и терпеливо переносил причиненные обиды. Так, когда кто-то пнул его ногой и все дивились его терпению, он сказал: «А если бы меня лягнул осёл, неужели бы я потянул его к суду?»⁶³ Когда его однажды ударили кулаком, он, говорят, сказал лишь, что досадно не знать, когда выходить в шлеме, а когда без него⁶⁴. Один дерзкий человек избивал его с таким неистовством, что дерзостно ударил и по лицу. Сократ же не только не сопротивлялся, но позволял тому изливать гнев и дерзость,

⁵⁹Diog. Laert. II.6–37.

⁶⁰Diog. Laert. II.7.

⁶¹Gell. NA. I.7.1–3 (пер. А. Б. Егорова).

⁶²Diog. Laert. II.9.

⁶³Diog. Laert. II.1.

⁶⁴Sen. De ira. III. 11.2.

пока всё лицо его не опухло. Когда Сократ понял, что гнев его, наконец утолщенный, выкипел, он лишь написал на лбу имя обидчика, как обычно вырезают на статуях: «Сделал такой-то». Этим его мечь и кончилась⁶⁵.

38. Чтобы соблюсти справедливость и отразить несправедливость, когда бы она ни случилась, он не страшился претерпеть и навлечь на себя тяжкую и опасную вражду. Это он выказал в наивысшей степени, когда в одиночку против тридцати самых могущественных мужей, захвативших власть над городом, дерзнул вынести приговор в пользу Леонта Саламинского, человека славного и богатого, которого они бесчестно и наперебой старались уничтожить⁶⁶. Не меньшее величие духа он выказал в другом замечательнейшем и справедливейшем поступке. Когда весь город афинян, впав в самое беззаконное и бессердечное заблуждение, вынес суровый приговор десяти магистратам, которые уничтожили спартанский флот у Аргинусских островов, Сократ по случайности оказался начальствующим при голосовании и посчитал недостойным и беззаконным уничтожить столь многих граждан, имевших большие заслуги перед отечеством, по несправедливому обвинению под натиском неприязни. Потому он дал отпор опрометчивости большинства своей твёрдостью, и ни шум собрания, ни жестокие угрозы никак не принудили его подписаться под этим изъятием общественного безумия⁶⁷. Из-за сопротивления Сократа народ, найдя, что законный путь для неистовства закрыт, упорствовал в намерении осквернить свои руки неправедно пролитой кровью невинных магистратов. В этих обстоятельствах великодушный муж, казалось, менее всего боялся, что его смерть станет одиннадцатым примером безумия возмущенной отчизны⁶⁸.

39. Что же распространяться о его исключительной справедливости, если он считал, что лучше претерпеть, чем учинить несправедливость?⁶⁹ Поэтому мысль, что хуже допускать несправедливость, чем сносить, обыкновенно именовалась «сократовским положением». Он был умерен и сдержан. Часто, оглядывая множество разных вещей, выставленных на продажу, он говорил себе радостно: «Как много всего, что мне не нужно!» Всегда у него на устах были такие ямбы:

⁶⁵Bas. Ad. 7; ср. Diog. Laert. VI.3 и 89.

⁶⁶Diog. Laert. II.4.

⁶⁷Plat. Ap. 32b.

⁶⁸Val. Max. III.8. Ext. 3.

⁶⁹Plat. Grg. 469b.

И серебро и пурпурная мантия
На сцене хороши, а в жизни ни к чему⁷⁰.

Цицерон утверждает: «Когда желание денег не сдерживается постоянной работой разума, как неким сократическим лекарством, исцеляющим от алчности, то оно осядет в жилах и завяжет в утробе»⁷¹. Сверх того, Сократ питал, как мы сказали, удивительное презрение и пренебрежение к богатствам Архелая, Скопаса и Еврилоха и, увидев пышное шествие с множеством золота и серебра, молвил: «Как много вещей, которых я не жажду!»⁷² Так как он отвергал, как мы сказали, и золото, и серебро, и любые деньги, нам меньше всего следует удивляться его крайней нищете, но надобно было бы скорее удивляться, если бы он, ни во что не ставя деньги, сделался богат.

40. Как он ценил богатства и почести, он показал одним своим ответом. Когда спросили его, счастлив ли упомянутый Архелай, сын Пердикки, считавшийся тогда самым благоденствующим из людей, он сказал: «Не знаю, я же никогда с ним не разговаривал». На вопрос, не мог ли он узнать этого иначе, он не замедлил ответить: «Никоим образом». Спрошенный в третий раз, счастлив ли персидский царь, Сократ сказал: «Как могу я это знать, не ведая, ученый ли он и хороший ли человек?»⁷³ Коротко сказать, он считал, что счастливая жизнь состоит в одной добродетели. Поэтому он считал добрых счастливыми, а дурных несчастными и ясно и недвусмысленно говорил, что Архелай, столь великий и могущественный царь, крайне несчастный человек, если он несправедлив.

41. Жил он до того бережливо и умеренно, что, несмотря на частые поветрия, опустошавшие Афины, никогда не болел. Авл Геллий в упомянутой книге «Аттических ночей» говорит о Сократе: «Передают также, что умеренность его была такова, что на протяжении почти всей своей жизни он обладал безукоризненным здоровьем. Даже при той разрушительной чуме, которая в начале Пелопоннесской войны смертоносно опустошила государство афинян, он, как говорят, благодаря следованию правилам воздержания и умеренности и от пагубы наслаждений остерегся, и телесное здоровье сохранил, так что никоим образом не был подвержен общему для всех бедствию»⁷⁴. Он питался

⁷⁰Diog. Laert. II.5 (пер. М. Л. Гаспарова).

⁷¹Cic. Tusc. IV.0.24 (пер. М. Л. Гаспарова, с изменениями).

⁷²Cic. Tusc. V.2.91; Diog. Laert. II.5.

⁷³Cic. Tusc. V.2.34–35; ср. Plat. Grg. 470d–e.

⁷⁴Gell. NA. II.1.4–5 (пер. А. Б. Егорова).

простой и обычной едой и этим больше всего гордился; он говорил, что тот, кто ест с наибольшим удовольствием, меньше всего нуждается в закусках и пышных трапезах, а кто наслаждается питьем, не заботится о дорогих чашах. Он называл голод приправой к пище, а жажду — к питью; он повторял, что многие люди живут, чтобы есть, он же ест, чтобы жить, и те кажутся всех ближе к богам, кто нуждается в наименьшем⁷⁵. Он не только на словах восхвалял скудное питание, как Эпикур, но и на деле следовал этому, как говорит Цицерон⁷⁶.

42. Ко всем этим примерам его добродетелей добавлялась какая-то исключительная и небывалая мягкость этого кротчайшего из людей. Явным и недвусмысленным доказательством этому служит то, что, не без причины разгневавшись на негодяя раба (или рабыню, как считали некоторые; ведь мы читаем у надёжных авторов, что он довольствовался услужением одной рабыни), он сказал: «Я бы побил тебя, не будь я разгневан!»⁷⁷ От этого цельного и удивительного склада ума происходило всегда одинаковое выражение лица, о котором Ксантиппа, вторая его жена, говорила, что видит его одним и тем же, когда он уходит из дома и когда возвращается. Никто не удивится этому, приняв в рассмотрение постоянство его ума, отражавшегося в лице. И чело его было не как у знаменитого Марка Красса Богача, который, по словам Луцилия, смеялся единожды в жизни⁷⁸, а безмятежным и ясным. Не без оснований выражение его лица было постоянным, ибо не претерпевал изменений ум, в нем отражавшийся.

43. Он заботился об упражнении тела. Потому он охотно гулял до вечера, чтобы гулянием заготовить голод и вкуснее отужинать⁷⁹. Иногда он и плясал, полагая, что этот род упражнения очень полезен для поддержания хорошего здоровья⁸⁰. Квинтилиан в «Наставлениях оратору» пишет, что это и у древних римлян не почиталось недостойным⁸¹. Иной раз он стоял недвижимо целый день, по свидетельству Авла Геллия в книге «Аттических ночей», как мы сказали выше: «Говорят, он часто стоял неподвижно весь день и ночь от восхода до восхода солнца, не смыкая глаз, без движения, на одном и том же месте, обратив лицо

⁷⁵Diog. Laert. II.7.

⁷⁶Cic. Fin. II.8.90.

⁷⁷Sen. De ira. I.5.3.

⁷⁸Cic. Tusc. III.5.31.

⁷⁹Cic. Tusc. V.4.97.

⁸⁰Diog. Laert. II.2.

⁸¹Quint. Inst. I.1.18.

и взор в одну точку, погружившись в размышления, так, словно его разум и дух в это время неким образом отходили от тела»⁸². И, покидая на короткое время рассуждения о высочайших предметах, он для душевного отдыха играл с детьми, зажав трость меж ногами⁸³.

44. Он часто по обыкновению философов носил грубый плащ. Цицерон, говоря где-то о бедности, пишет: «Поминают то Диогена, то Сократа, то Цецилиев стих:

Бывает мудрость скрыта под дрянным плащом⁸⁴.»

И, хоть он вел жизнь, так устроенную, всё же иногда, сообразно времени и обыкновениям сограждан, облакался одеждой поизыщнее⁸⁵. Кроме того, такая тяготила его нищета и скудость, что, если бы не помогали ему ученики (которые не по договору, но по своей воле давали ему дары, узнав о его нужде), он бы, конечно, претерпел множество разных тягот человеческой жизни⁸⁶.

45. Имея такие обыкновения и ведя столь безукоризненную жизнь, он уразумел, что ему от рождения дан был в качестве хранителя даймон, по справедливому утверждению Платона; Сократ считал, что все, что бы он ни делал, должно делаться по его увещаниям⁸⁷. Потому не следует удивляться, что этого лучшего и честнейшего мужа оракул Аполлона почел, как мы сказали выше, мудрейшим из всех. И снова пусть никто не удивится, что муж, божественным гласом оракула предпочтенный всем людям в мудрости, не оставался в неведении об упомянутом своем страже. Отчасти, но не полностью, верно мнение нашего Платона, считающего, что каждому человеку от рождения дан один даймон. Мы же говорим и провозглашаем, что два ангела (один — добрый, другой — злой) даны всякому при рождении, как свидетели не только дел, но и помыслов людского рода; добрый побуждает своего человека любить добродетели, злой же — предаваться порокам⁸⁸.

46. Но Сократ, будучи мужем, выдающимся порядочностью жизни и несравненными нравами, прислушивался только к доброму советчику, хотя некоторые упоминают, что в юношеской пылкости он был по

⁸²Gell. NA. II.1.2 (пер. А. Б. Егорова). Ср. выше, §28.

⁸³Ср. выше, §18.

⁸⁴Cic. Tusc. III.3.56 (пер. М. Л. Гаспарова, с изменениями).

⁸⁵Diog. Laert. II.28.

⁸⁶Diog. Laert. II.27.

⁸⁷Plat. Ap. 30a–31d; Cic. Div. I.4.122.

⁸⁸August. De civ. IX.2 et passim.

природе более склонен к наслаждениям, и пытаются подтвердить это суждением некоего Зопира, физиономиста. Тот объявлял, что может без сомнений познать и узреть по телесному состоянию, по чертам и выражению лица внутренние свойства людей и, говоря кратко, по внешности — природу каждого. Когда случилось ему быть в Афинах и его привели к Сократу, всех прочих мудрейшему и умереннейшему, Зофир, долго взирая на его тело, ответил присутствовавшим ученикам, кои спрашивали его мнения, что тот сластолюбив. Когда же они, не знавшие за Сократом таких пороков, принялись жестко осмеивать Зофира и с нескончаемым смехом отвергать его суждение, Сократ, говорят, молвил, что суждение физиономиста о нем справедливо: он ведь был по природе весьма склонен к сластолюбию, но обуздал и подавил это расположение или склонность благодаря исключительной воздержности духа⁸⁹.

47. Хотя все было так, как говорил физиономист, однако Сократ с самого начала обуздал своей умеренностью эти природные страсти, так что позже они никогда не проявлялись. Это, по-видимому, утверждает Платон в том месте «Пира», где он вводит Алкивиада, признающего, чего он хотел добиться от Сократа; не следует думать, что это написано ради упрека Сократу, но скорее — чтобы показать невероятную и неодолимую воздержность Сократа, которую не могло обольстить даже недвусмысленное желание прекраснейшего из людей⁹⁰. Был ли этот Зофир тем магом, о котором Аристотель сообщает, что он прибыл из Сирии в Афины, опроверг Сократа по многим вопросам и предсказал ему насильственную смерть⁹¹, неясно.

48. По утверждению Платона, Сократ узнал в нем доброго ангела, даймона или бога (так по-разному сообщают об этом многие авторы, как говорит Августин) и считал, что следует все делать по его добрым увещаниям. Об этом даймоне Сократа славный платоник Апулей из Мадавры говорит в одной своей книге (которая называется скорее «О божестве [Сократа]», чем «О даймоне», иначе, как говорит Августин, читающие название были бы испуганы новизной предмета, прежде чем дойдут до рассуждения, и «никак не подумали бы, что этот человек был в здравом уме»⁹²), что всю жизнь тот ясно и недвусмысленно внушал

⁸⁹Cic. Fat. 5.10; Cic. Tusc. IV.7. 80.

⁹⁰Plat. Symp. 216e–219e.

⁹¹Diog. Laert. II.5.

⁹²August. De civ. VIII.4; Plat. Ap. 31d.

ему усваивать добродетели и отвращаться от пороков. Этого даймона своего Сократ (по слову Апулея, «муж совершеннейший, мудрость которого засвидетельствована самим Аполлоном»⁹³) дивным образом знал и чтит. Поэтому сей его хранитель и товарищ заботливо указывал ему всё, чего следует избегать.

49. Сократ же, будучи мудрецом, нуждался, казалось, скорее в предсказании, чем в совете; конечно, многократно, как мы читаем, случалось так, что люди, каких бы мудрых советников при себе ни имели, все ж подчас обращались к предсказателям и оракулам, дабы почерпать истину, так как два этих дара, предсказание и мудрость, почитаются различными и раздельными. Когда два вождя ахейского войска, Агамемнон и Ахилл, были в распре, понадобился один муж, славный мудростью и красноречием, дабы своими добродетелями унял гордость Атрида и необузданность Пелида. Избран был Филид, выдающийся мудростью муж, величайший оратор своего времени⁹⁴. Улисс же и Диомед, будучи хитрее прочих греков, были избраны войти в ночное время во вражеский стан на разведку. И хотя упомянутые Филид и Улисс казались мудрее всех, всё же, ища средств от военных трудностей, или способов к мореплаванию, или средства, как успокоить море, они совещались с прорицателем Калхасом, который своим прорицанием и прекращал бури, и выводил флот, и предсказывал, что предстоит десятилетняя осада. В троянском войске бывало то же, когда дело требовало прорицания. Ведь мудрый сенат молчал, не отваживаясь молвить, но все молча прислушивались или к неприятным прорицаниям о Елене, или к не удостоенным веры пророчествам Кассандры⁹⁵. Сократ поступал так же; где нужен был разум, он пользовался собственной мудростью, а где прорицание — мудростью даймона.

50. Коротко сказать, он прилежно повиновался всем его указаниям. Но кто-нибудь, пожалуй, спросит, каким образом Сократ воспринимал знаки убеждающего или разубеждающего даймона. Мнение Платона состоит в том, что для него раздавался некий божественный голос, не слышный никому иному. Апулей же утверждает, что он воспринимал

⁹³Apul. De deo Soct. 17.157 (пер. А. Кузнецова).

⁹⁴Apul. De deo Soct. 17.158. Манетти неверно понимает Апулея, путая Нестора (Rutilus orator) с Мегесом, сыном Филея, второстепенным персонажем «Илиады». Эпизод, о котором идет речь: Ном. II. х.2 слл.

⁹⁵Apul. De deo Soct. 18.159–161. У Манетти — *Helenaе auguria*, «пророчества о Елене», у Апулея — *auguria Heleni*, «пророчества Гелена».

знаки своего даймона не только ушами, но и глазами⁹⁶. Этим знаком мог быть дух самого даймона, видимый одному Сократу, как Гомеров Ахилл видел свою Минерву⁹⁷; но как бы то ни было — слухом ли, зрением ли, иным ли способом воспринимал он знаки даймона — он с величайшей точностью подчинялся его указаниям. Именно даймон убедил его не заниматься делами государства, потому он держался осторожно и пренебрег этим занятием, отправляя лишь немногие магистратуры; даймон убедил его не уклоняться и не избегать смертного приговора несправедливых судей, когда из-за неприязни городских вождей он был обвинен в неких преступлениях, влекущих за собою казнь, и приговорен к смерти⁹⁸. Об этом мы расскажем лишь немного краткости ради.

51. Сократ из-за его поразительной мудрости и выдающейся честности жизни по общему мнению считался умнее и лучше прочих афинян. Поэтому правители города и влиятельные люди так сильно его ненавидели. Их ненависть весьма приумножило знаменитое свидетельство Аполлона о его мудрости: сообщают, как мы сказали выше, что Аполлонов оракул счел его мудрейшим из всех смертных⁹⁹. Несколько правителей города после этого знаменитого Аполлонова изречения, не в силах справиться с ненавистью, подкупили неких обвинителей, чтобы те ложно обвинили этого мужа перед судьями в некоторых преступлениях, караемых смертью. К этой враждебности влиятельных людей прибавилось и то, что сам Сократ обыкновенно презирал и высмеивал ораторов, поэтов и художников. Потому против него разошлась в них великая и почти всенародная ненависть¹⁰⁰.

52. Вследствие этого три обвинителя, Анит, Ликон и Мелит, стоворились против него, и Анит защищал интересы художников, Ликон — ораторов, а Мелит — поэтов, так как всех их порицал Сократ. Мелит же взял на себя задачу обвинения за остальных заговорщиков и таким образом, исполняя должность обвинителя, обвинил невинного человека в двух преступлениях. Первым было то, что он нарушал законы города; вторым — что он развращал юношество, так как не считал богами тех, кого город прежде признавал богами по обычаю предков, и ввёл иные, новые виды даймонов и суеверия вопреки укоренившемуся

⁹⁶Plat. Ap. 31d; Apul. De deo Soct. 20. 166.

⁹⁷Ном. II. 1.8–200.

⁹⁸Plat. Ap. 29d, 30a, 40a.

⁹⁹Diog. Laert. II.7–38.

¹⁰⁰Diog. Laert. II.9.

обычаю афинян¹⁰¹. Сократа, обвинённого недоброжелателями в этих двух преступлениях, отправили в тюрьму — на деле из-за той зависти, которую навлёк он на себя вследствие Аполлонова суждения, согласно которому он превосходил мудростью прочих людей.

53. Лисий же, выдающийся оратор того времени, то ли видя, что чрезмерное упорство и гордость невинного человека обратят судей против него, то ли считая его неспособным защищаться против столь могущественных противников, то ли по обоим причинам находя его положение неблагоприятным, предложил, говорят, ему написанную речь, которой он мог бы воспользоваться в суде, будь ему угодно. Хоть речь и выглядела изящной и соответствующей правилам риторического искусства, но Сократу она не показалась сильной и мужественной, как подобает мужу философу, и он ответил, что не хочет ею пользоваться. Об этом автор «Достопамятных деяний и изречений» пишет так: «Когда Сократ, славнейший столп греческой учености, отстаивал свое дело на суде в Афинах, Лисий прочел ему сочинённую им защитительную речь, которой он мог бы пользоваться в суде, смиренную и умоляющую, уместную в грозившей ему буре. Сократ сказал: „Прошу, заведи ее: ведь если бы меня могли склонить произнести её даже в самой дальней пустыне Скифии, то я сам согласился бы, что меня следует покарать смертью“. Он презирал жизнь, чтобы не лишиться достоинства, и хотел лучше умереть Сократом, нежели жить Лисием»¹⁰². Засим он добавляет: «Он был столь же силен в мудрости, сколь Александр в оружии»¹⁰³.

54. И Цицерон в книге «Об ораторе» пишет об этом следующее: «Сократ, будучи мудрее всех и жил честнее всех, защищал себя на уголовном суде так, что казался не умоляющим или подсудимым, но наставником или начальником судей. И даже, когда самый речистый оратор Лисий принес написанную для Сократа речь, которую тот при желании мог бы заучить, чтобы воспользоваться ею на суде для защиты, Сократ охотно ее прочитал и сказал, что она отлично написана, „но, — заметил он, — как если бы ты принес мне сикионские башмаки, пусть даже очень удобные и впору, я бы их не обул потому, что они не к лицу мужчинам; так и эта речь твоя, по-моему, хоть и красноречива, но нет в ней ни смелости, ни мужества“. И вот он тоже был осужден: и не

¹⁰¹Diog. Laert. II.0; Plat. Ap. 19c, 24b, 25d; Quint. Inst. IV.4.5.

¹⁰²Val. Max. VI.4. Ext. 2.

¹⁰³Val. Max. VI.4. Ext. 3.

только первым голосованием, которым судьи определяют лишь виновность или оправдание, но и вторичным, которое предписано афинским законом. Ведь после обвинения подсудимого, если только преступление не было уголовным, происходила как бы оценка наказания; и судьи после своего решения спрашивали подсудимого, какое бы наказание сам он признал заслуженным. Когда об этом спросили Сократа, он ответил, что заслуживает самых высоких почестей, наград и даже ежедневного угощения в Пританее на общественный счет, — а это считалось у греков величайшей почестью. Его ответ привел судей в такое негодование, что этого неповиннейшего человека они присудили к смерти. А вот если бы он был оправдан (чего даже я, человек посторонний, желал бы от души из одного уваженья к его гению), тогда твои философы, я думаю, стали бы уж вовсе невыносимы: ведь и теперь, когда он осужден единственно потому, что не владел красноречием, они все-таки утверждают, что учиться красноречию можно только у него!»¹⁰⁴

55. Изложу это яснее: когда в соответствии с древним афинским обычаем опрашивать виновного судьи спросили его, какого наказания он достоин, он с вольнолюбивой непреклонностью, выглядя не как униженный или подсудимый, но как повелитель или начальник судей, ответил, что отнюдь не заслуживает наказания и достоин того, чтобы его каждый день кормили, как сказано, на общественный счет в Пританее, что считалось у греков величайшей честью. От этого ответа, столь едкого, резкого и дерзкого, судьи пришли в такое раздражение, что приговорили к смерти невиновного человека, на которого раньше, обсуждая между собой, какое подобает ему наказание, намеревались лишь наложить штраф. Так он, «обвиненный в смертном преступлении, и от защитника отказался, и перед судьями не угодничал, а держался своего вольного упорства (порожденного высокостью души, а отнюдь не гордынею)», по словам Цицерона¹⁰⁵. Во время судебного разбирательства Платон, прославленный его ученик, поднялся, говорят, на помост, чтобы держать речь; начав говорить, он не закончил, так как все судьи кричали ему спуститься. Начал он так: «Хоть я моложе, о мужи афинские, всякого, кто поднимался на этот помост...»¹⁰⁶ Ему не дали говорить дальше; он спустился и вернулся на своё место.

¹⁰⁴Cic. De or. 1.4.231–233 (пер. Ф. А. Петровского, с изменениями).

¹⁰⁵Cic. Tusc. 1.9.71.

¹⁰⁶Diog. Laert. II.1.

56. Так был приговорён к смерти Сократ, первый из философов, казненный по суду, и тотчас заключен в оковы и брошен в тюрьму. По прошествии нескольких дней он бестрепетно и благородно выпил яд, поданный ему по приговору судей, но прежде сказал много замечательного о бессмертии душ¹⁰⁷. По какой причине казнь не была назначена сразу после приговора, я изложу вкратце. В Афинах было обыкновение, что никакому приговоренному казнь не назначается раньше, чем с обычною торжественностью вернётся с Делоса в Афины корабль, ежегодно посылаемый туда афинянами. Это был тот корабль, на котором Тесей некогда увёз дважды семь человек на Крит, спас их и спасся сам. Афиняне дали обет Аполлону, если все спасутся, отряжать ежегодное зрелище на Делос, что и совершали с того времени неукоснительно¹⁰⁸.

57. Вышло так, что, когда Сократ был приговорён и ввергнут в тюрьму, упомянутый корабль ещё не вернулся в Афины. Потому его казнь была отложена, пока отправленный корабль не придёт назад. За этот промежуток в несколько дней друзья и ученики различными увещеваниями склоняли его, коль скоро он приговорен без вины, ускользнуть из тюрьмы и спастись бегством. Не сумев склонить его к этому, уговаривали хотя бы дать им его вывести. Хоть это было легко устроить, он не захотел. Ведь помянутые друзья и ученики нашли способ его вывести: они обещали совершить это с помощью денег, коих требовали те, кто сулил вывести его и спасти, и уже собрали для этого деньги. Узнав об этом, Сократ порицал это дело как нечто позорное и нечестивое и отказался бежать.

58. Хотя они осуждали его решение как вздорное и нелепое и уговаривали его, как могли, этого не делать, однако по возвращении корабля смерть казалась уже близкой. Тогда Критон, его близкий друг, перед рассветом пришёл к нему, дабы уговорить, чтобы позволил себя спасти, и привел множество доводов, которые считал весьма сильными. Он упоминал и о бесславии в глазах народа, и о предательстве собственного спасения, и, наконец, о сиротстве детей, и много толковал о вещах такого рода. Сократ же, отвечая на это, легко всё опроверг и великодушно пребывал в твёрдом намерении умереть, свидетельствуя среди прочего, что таковы увещевания его бога¹⁰⁹. Наконец, почти держа в руках смертоносную чашу, он говорил так, что казалось, не в смерть

¹⁰⁷Diog. Laert. II.0 и 42.

¹⁰⁸Plat. Phd. 58a–b.

¹⁰⁹Plat. Cri. passim.

он ввергается, а на небо восходит, что явствует из его речи, которую, по словам Платона, он произнес перед судьями, уже приговорённый: «Велика моя надежда, судьи, — сказал он, — что, посылая меня на смерть, делаете вы доброе дело. Ибо одно из двух: или смерть начисто лишит меня чувств, или благодаря ей я переправлюсь в некое иное место»¹¹⁰ и так далее, показав, что он не только не бежит смерти, но паче всего желает её и к ней стремится.

59. В эти несколько дней (после вынесения смертного приговора, как мы сказали, но до его исполнения) он многочисленными доводами возражал многим своим приятелям и в особенности Критону, убеждавшим его позволить наконец вывести себя из тюрьмы. Он также рассуждал о бессмертии души, прямо и открыто показав, что хочет умереть не из-за неумения говорить, но из-за презрения к смерти. Как превосходно он держался, нельзя удовлетворительно изобразить. Ведь этот мудрейший из людей предпочитал потерять оставшееся от жизни, чем прошедшее¹¹¹; мало понимаемый современниками, он предоставил себя суждению потомства, обретя вечность малой потерей крайней старости. Это отменно и изящно изложено Платоном в книге, которая называется «Федон». Рассуждение Сократа о вечности душ, приведённое Платоном в упомянутом «Федоне», имело такую силу, что в прежние времена некоторые, веря Платону, лишили себя жизни, как, например, мы читаем у надёжных авторов о некоем Клеомброте¹¹².

60. Перед самой кончиной он сочинил пеан, то есть хвалу Аполлону, и Эзопову басню. Никогда за всю прежнюю жизнь этого не делавший, он, говорят, был побужден к этому тем обстоятельством, что и задерживающееся возвращение корабля, и празднество Аполлона отсрочивали его смерть. Посему в неких сновиденьях ему многократно внушалось, чтобы перед кончиной он сочинил и исполнил музыкальное произведение, очистил душу неким набожным действием и создал что-то поэтическое. Таким образом, он сначала сочинил стихи в похвалу божеству, чье празднество справлялось, а затем, чтобы полней удовлетворить своим сновидениям, он, не желая быть поэтом, положил на музыку басни Эзопа, которые знал наизусть. Начало хвалы Аполлону, говорят, было такое:

Славен будь, Аполлон Делосец, с Дианою купно!

¹¹⁰Cic. Tusc. 1.1.97 (пер. М. Л. Гаспарова, с изменениями), ср. Plat. Ap. 40c.

¹¹¹Т. е. умереть, но не обесмыслить свою жизнь, изменив принципам.

¹¹²Cic. Fat. 1.4.84.

А начало басни, как сообщают, такое: «Эзоп рассказывает» и так далее¹¹³.

61. Завершив все это с мудростью и великодушием, наконец, когда смертный миг уже приближался, спрошенный Критоном, своим учеником, какого бы он хотел погребения, он отвечал: «Вижу, друзья, что много времени я потерял понапрасну, — вот Критон так и не понял, что я отсюда отлечу и здесь от меня ничего не останется». Повернувшись затем к нему, он сказал: «Что ж, Критон, если ты сумеешь последовать за мной, то похорони меня, где захочешь»¹¹⁴ и так далее. Немногим позже он, будучи на семидесятом году своей жизни, по приговору судей выпил яд и так ушёл из жизни; сыновья его пережили. Он не оставил никаких письменных сочинений, кроме вступления к Аполлону и Эзоповой басни, как мы сказали.

62. Сколь великое раскаяние охватило афинян из-за смерти Сократа, легко понять по тому, что они в скором времени закрыли палестры и гимнасии, как обычно делалось во время публичного траура. Обвинителей же затем приговорили, одних — к изгнанию, иных же — к смерти. Ведь Анита гераклеоты изгнали в тот самый день, как он вернулся; Мелита же приговорили к самому суровому наказанию. Не довольствуясь этим, Сократа публично почтили бронзовой статуей: изготовленную Лисиппом, лучшим ваятелем того времени, ее установили в самом посещаемом месте города. Он умер в первый год девяносто пятой Олимпиады, из чего явствует, что он скончался семидесятилетним, ибо родился, как выше сказано, в четвёртый год семьдесят седьмой¹¹⁵.

63. Был и другой Сократ, историк, написавший кое-что об аргонавтах. Ещё один — перипатетик из Вифинии, другой — сочинитель эпиграмм. Последний — Сократ Косский, писавший молитвы и призывания богов¹¹⁶.

ЖИЗНЬ СЕНЕКИ

1. Луций Анней Сенека, как сам он называет себя в книге «О благодеяниях» («Ведь если, — говорит он, — получив что-нибудь от Сенеки, ты сказал бы, что должен Аннею или Луцию, не заимодавца переменял

¹¹³Diog. Laert. II.2.

¹¹⁴Cic. Tusc. I.3. 103 (пер. М. Л. Гаспарова); ср. Plat. Phd. 115d–e.

¹¹⁵Diog. Laert. II.3.

¹¹⁶Diog. Laert. II.7. Манетти, введенный в заблуждение переводом Траверсари, неверно понял характеристику Сократа историка, которому Диоген приписывает географическое сочинение об Аргосе.

бы, но одно лишь имя»¹¹⁷), был рожден в Кордубе в Испании, в городе, по-видимому, не уступающем никаким городам этой провинции ни древностью, ни величиною, ни многолюдством. Я кратко изложу, что думаю о полном его имени, поскольку в разных источниках передают его по-разному. Когда римляне приняли сабинян, своих соседей, в общность царства и в единство гражданства, они поставили перед своими именами другие, сабинские, имена, чтобы их связали теснейшие узы приязни: обыкновение, впредь сохранявшееся в Риме, так что с той поры не найти ни одного римлянина без преномена. Впоследствии разные народы мира, в свой срок подчиненные владычеству римского народа, подражали в этом, как представляется, обыкновению своих победителей, ибо детям, рождавшимся у них после сего подчинения, они по старинному римскому обычаю нарекали несколько имен.

2. Кордуба, славный испанский город, где, как мы сказали, родился Сенека, еще до его рождения был, как передают, подчинен власти римского народа Гаем Юлием Цезарем. Поэтому родители Сенеки по его рождении, подражая обыкновению римских победителей, подобающим образом прибавили к его имени преномен и когномен. Посему его именovali Луцием Аннеем Сенекой, как сам он, по-видимому, намекает в помянутой книге «О благодеяниях». Упомянув свое полное имя, он тут же присовокупляет примерно следующее: «Ведь назовешь ли ты преномен его, или номен, или когномен, это все один человек»¹¹⁸. Из этих слов ясно и недвусмысленно видно, что Луций был его преномен, Анней — когномен, а Сенека — номен.

3. Итак, Сенека, как мы сказали, был рожден в Кордубе в Испании; отец его был из знатного семейства Аннеев, а матерью его была Гельбия, к которой он обратил прекрасное утешение о кончине ее сына. В том, что касается его рождения, первостепенным свидетельством служит старинное согласие всех испанцев, которые, указывая на некий дом как на его жилище, заверяют, что он просуществовал в Кордубе до нашего времени, и по древнему и общепринятому обыкновению именем Сенеки звался и дом этот, и весь квартал. Они отличили прозванием Сенеки весь этот квартал, где, говорят, он жил, точно так же, как в Риме зовется Аппиевой дорога, проложенная именитым мужем Аппием Клавдием. Кроме того, непререкаемым свидетельством служит мнение всех писателей, которые, вскользь или несколько пространней упоминая этого

¹¹⁷Sen. Ben. IV.8.3.

¹¹⁸Sen. Ben. IV.8.3.

несравненного и превосходного мужа, пишут, что он был кордубским гражданином. Ведь и Евсевий Кесарийский, и наш Иероним, и Сидоний Аполлинарий, и многие другие знаменитые сочинители прямо и недвусмысленно утверждают это, как вскоре станет яснее видно.

4. Когда вскоре после его рождения Кордуба отложились от державы римлян и была вновь приведена под державу римского народа Гнеем Домицием Агенобарбом, который был послан с римским войском на ее усмирение, случилось так, что Сенека вместе с двумя его братьями, Юнием Аннеем Галлионом и Луцием Аннеем Мелой, отцом поэта Лукана, при захвате города попал в плен. Награжденный затем свободой, он вместе с упомянутыми братьями и маленьким племянником отправился в Рим, который в ту пору был на вершине всякого благоденствия и цвел во всяком роде учености, как сам Сенека в одном месте прямо указывает примерно такими словами: «Все, чем располагает римское витийство, что оно может противопоставить или даже предпочесть надменной Греции, расцвело во времена Цицерона; все дарования, кои придали блеск нашим занятиям, родились тогда». И немного дальше прибавляет: «Кажется, я слышал всех великих в красноречии мужей, за исключением Цицерона, да и того не возраст у меня отнял, но ярость гражданских войн, которая уже по всему земному кругу разливалась», и так далее¹¹⁹. Из этих слов ясно, что в ту пору ученые занятия в Риме был в полном расцвете и что к концу жизни Цицерона Сенека не только родился, но уже вырос.

5. Итак, когда, отдавшись школьным занятиям, он окончил первоначальное изучение поэтов, под началом ритора Маруллы вместе со многими соучениками он обучался предписаниям риторики; занимаясь сим искусством, он слушал среди прочих и знаменитого ритора Цестия Смирнского, и преславного оратора Азиния Поллиона. Он так преуспел в красноречии, что у многих, за исключением Калигулы, тогда владычествующего, был в великой славе, поскольку был особенно одарен остроумием и памятью и с неустанным рвением подвизался в гуманистических занятиях этого рода. Светоний в жизнеописании Калигулы пишет так: «Калигула привык столь пренебрегать и гнушаться отделанным и изящным родом сочинительства, что Сенеку, тогда (как

¹¹⁹Sen. Controv. I. Praef. 6–7, 11. Манетти, как и его современники, смешивает Сенеку Философа с его отцом, Сенекой Ритором. С другой стороны, еще в XIV в. (Петрарка, Колоччо Салютати) приводились доводы в пользу того, что философа Сенеку следует отличать от трагического поэта Сенеки (см. ниже, §42).

и ныне, по замечанию Петрарки) бывшего в особой славе, он называл сочинителем чистого школярства и песком без извести»¹²⁰. Этому мы нимало не удивляемся, помня, что он подумывал об уничтожении гомеровских поэм, клянясь, что ему позволено то же, что раньше уже было позволено Платону, человеку частному, хотя ученому и премудрому, который считал, что Гомер подлежит изгнанию из государства, им основанного. Немного ему недоставало, чтобы все сочинения Марона и Ливия изъять из всех библиотек: в первом он порицал отсутствие дарования и скудную ученость, во втором — многословие и небрежность в исторических трудах¹²¹.

Сделавшись затем последователем Сотииона Александрийского, знаменитого в ту пору философа стоических взглядов, Сенека под его началом достиг отменной известности в той философии, что относится к нравам и наставлению в поведении, и так широко разошлась слава его учености и красноречия, что он вошел в беспрецедентное дружество с Клавдием, преемником Калигулы. Так из кордубца сделался он римским гражданином и был принят в число сенаторов.

6. Позже, по неким причинам отвратив от себя Клавдия, он был сослан им на остров Корсику, хотя есть пишущие, что он удалился туда по доброй воле, ради ученых занятий, дабы свободнее, как ему желалось, вдали от гула римской жизни и гражданских дел, без свидетелей и помех, предаться занятиям мудрости. Когда же Клавдий по смерти своей жены Мессалины сочетался браком с Агриппиной, матерью Нерона, бывшей женой Гнея Домиция, он склонился на ее увещевания и вернул Сенеку из изгнания с острова Корсики (тот уже провел некоторое время в этом уединении, поглощенный философскими занятиями), сразу же удостоив его претуры. И наконец ему доверено было обучать Флавия Нерона, уже к тому времени в возрасте одиннадцати лет усыновленного Клавдием, а потом сделавшегося его зятем по браку с его дочерью Октавией и таким образом намеченного к императорскому сану. Корнелий Тацит в двенадцатой книге своей «Истории» говорит так: «Агриппина, чтоб не одними злодействами быть известной, спрашивает для Аннея Сенеки отмену ссылки, а с нею и претуру, думая, что ввиду его знаменитой учености будет полезно, чтоб отрочество Домиция протекало при таком наставнике, чьими советами можно будет пользоваться в их надежде на владычество, ибо считалось, что Сенека привязан к Агриппине

¹²⁰Suet. Calig. 53.2 (цитата неточная).

¹²¹Suet. Calig. 34.2.

памятью о ее благодеянии и ожесточен против Клавдия негодованием на обиду»¹²².

7. «Говорят, что Сенека, — пишет Светоний, — на следующую ночь увидел во сне, что воспитывает Цезаря»: сон, который Нерон вскоре оправдал, «обнаружив (если воспользоваться словами Светония) свирепость своего нрава при первых же возможных опытах»¹²³. Поэт Петрарка в «Книге достопамятных вещей» излагает это, по-видимому, иначе. Он говорит: «На следующую ночь Сенека, говорят, увидел во сне, что у него в учениках Гай Калигула, которого пресловутая его жестокость уже привела к подобающему концу; он мог по пробуждении этому дивиться, но Неронов нрав и чуждый всякой человечности дух развеяли удивление, ибо Нерон обнаружил такое сходство с Калигулой, что казалось, не другой это человек, но тот же самый, каким-то образом восставший из мертвых»¹²⁴.

8. Вскоре после этого, когда умер Клавдий и Нерон вознесся к власти, столь великое могущество стяжал его наставник и столь великие богатства, что, пока воспитанник питал к нему почтение и исполнял обязанности благонравного государя, ничто, как считали, не делалось у императора без совета Сенеки. И Нерон, отданный ему в обучение мальчиком, с одним-единственным учителем и наставником целых девятнадцать лет, ибо прочие преподаватели красноречия и иных предметов были отставлены, так внимательно и неустанно занимался, что сделался равно ученым и красноречивейшим. И стихи он писал, и трагедии составлял, и много другого сочинял. Что он слушал одного Сенеку, без участия других риториков и философов, свидетельствует Светоний, который говорит, что тот сам отклонил Нерона от изучения древних ораторов ради того, «чтобы дольше сохранялось в нем благоговение перед наставником»¹²⁵. Впоследствии, хотя он у императора был в великом могуществе и почитался могущественнейшим, так что обрел и великие почести, и невероятные богатства, за всем тем, по неведомо каким причинам, сделался столь тягостен императору, что тот приговорил его к смерти, о чем в конце мы скажем подробнее, но сначала

¹²²Tac. Ann. XII.8.2.

¹²³Suet. Ner. 7.1. У Светония Сенеке снится, что он воспитывает *Гая* Цезаря, то есть Калигулу. В цитате у Манетти — просто «Цезаря», так что это слово приобретает почти нарицательный смысл («император»). Изложение этой истории у Петрарки отличается, таким образом, не от версии Светония, а от искаженной цитаты у Манетти.

¹²⁴Petr. Rer. mem. IV.2.1–2.

¹²⁵Suet. Ner. 52.1.

рассмотрим кое-что, связанное с его занятиями, нравами и течением его жизни, снова принявшись от начала.

9. Итак, Сенека, как мы сказали, родившийся в Кордубе в Испании, при отвоевании города, отложившегося от римской державы, вместе с двумя братьями взятый в плен и потом награжденный свободой, отправился в Рим ради обучения. Там, превосходно усвоив все свободные искусства, благодаря этому стяжал столь великую честь, что, сделавшись из кордубского гражданина римским, удостоился отличий сенатора, квестора, претора и даже консула, как явствует из изучения гражданского права, и занял первое место при Нероне, властвовавшем в ту пору над Римом. В одной книге Дигест обнаруживаются такие слова: «Обсудив образ действий, относящийся к фидеикомиссам, касающимся отдельных вещей, перейдем теперь к толкованию Требеллиева сенатусконсульта. Этот сенатусконсульт был издан во времена Нерона, за восемь дней до сентябрьских календ, в консульство Аннея Сенеки и Требеллия Максима», и так далее¹²⁶.

10. Затронем вкратце его несравненную и исключительную ученость и образованность, сдобренную безукоризненностью нравов и святостью жизни. Прежде всего, он был осведомлен в поэзии. В самом деле, мы видим, что почти все его книги полны ссылками на поэтов. Далее, он постиг риторику, с вящим вниманием слушая всех выдающихся наставников этого искусства, кои в его время особенно цвели и далеко превосходили прочих, по его собственному свидетельству, как мы сказали выше. И не только, как сообщают, слушал он величайших учителей красноречия, но и уразумел их и подражал им; посему написал он среди прочего несколько книг декламаций. Желая обрести понимание великих предметов, он так преуспел в физике, что дерзнул написать отменные книги «Естественнонаучных вопросов».

11. Наконец, он всеми силами души и тела прилежал к занятиям той частью философии, что касается нравов и устройства жизни, как сам он свидетельствует в одном письме к своему другу Луцию¹²⁷. Таким образом, обучая и сочиняя, а кроме того, скромно и умеренно живя, своими изображениями морали он, как говорят, сделался столь полезен роду человеческому, что один выделяется в моральной философии, превосходя, по общему согласию, всех прочих, писавших об этом предмете. Поэтому небезосновательно его одного у латинян обыкновенно

¹²⁶Dig. 36.1. Дата — 25 августа 56 г.

¹²⁷Sen. Ep. 106.1–2.

называют «моральным философом», как превосходящего прочих. И как у нас речь идет о Вергилии, если говорится «поэт», или о Цицероне, если «оратор», а у греков то же говорится о Гомере и Демосфене, так обычно подразумевают Сенеку, если говорят «моралист».

12. Мы не удивимся сей несравненной и превосходной учености, если хотя бы немного посмотрим на то, сколь сильны были его разум и память и, кроме того, сколько труда и рвения прикладывал он к этим гуманистическим занятиям. Память его была столь огромна и необыкновенна, что он мог безошибочно повторить две тысячи имен в том порядке, как они были произнесены, или двести стихов, и был способен не только ухватить, но и удержать услышанное, в то время как быстрое усвоение обычно ведет к легкому забыванию, а схватывание многочисленных предметов — к медленности разума. Что еще говорить? Сам он в упомянутой книге «Декламаций», говоря о себе, свидетельствует, что память его была столь сильна, что это доходило до чудесного. Вот его слова: «На отрицаю, что память моя была некогда столь цветущей, что не только доставало для обычных надобностей, но доходило до чудесного. Ведь я повторял две тысячи произнесенных имен в том порядке, как они были сказаны, и когда те, кто стекался слушать нашего наставника, сочиняли стих за стихом и их таким образом набиралось больше двухсот, я воспроизводил их все, начиная с последнего. И моя память не только проворно ухватывала то, что мне хотелось, но и удерживала то, что восприняла»¹²⁸. К этим несравненным и исключительным дарам природы он прибавлял величайшее и почти невероятное прилежание. Ведь чтение, размышление и описание важных предметов он предпочитал всему прочему, хотя ему непрестанно докучали заботы о многих делах, и частных, и великих.

13. Итак, мы перестанем удивляться — или скорее, вовсе не должны удивляться — великим и почти невероятным плодам его трудов, кои оставил он потомкам, если вспомним, сколь дивную помощь оказали ему столь великие и исключительные дары природы и усердия. Ведь он написал следующее: помимо многих писем апостолу Павлу, с коим его связывала дружба, он сочинил книгу «Об изобилии слов», «О семи свободных искусствах», «О четырех добродетелях»: принадлежность

¹²⁸Sen. Controv. I. Praef. 2.

этой последней книги Сенеке отрицает наш Петрарка в письме к Боккаччо¹²⁹, хотя обычно она надписана его именем. Я с ним согласен; ведь те, кто взглянется немного внимательней и рассмотрит все по отдельности с подобающим тщанием, увидит, что в этой книге содержится много такого, что, очевидно, несовместимо с серьезностью Сенеки. Он сочинил также «О присловьях» и «О нравах», в одной книге каждая¹³⁰; семь книг «О благодеяниях» к Эбурцию Лугдунскому, три книги «О гневе» к Новату, девять книг «Декламаций» к нему же¹³¹, одну книгу «О блаженной жизни» к своему брату Галлиону, одну книгу «О лекарствах от злосчастья» к нему же, одну «О краткости жизни» к Паулину, одну «О том что обида и оскорбление не затрагивают мудреца» к Серену, одну книгу «Присловий», отличную от упомянутой, шесть книг «О естественнонаучных вопросах» к своему другу Луцилию (которому он послал также 22 книги писем, когда тот от имени римского народа правил на острове Сицилии), и одну книгу «О потехе над Клавдием», насчет которой Боккаччо в одном месте, по-видимому, сомневается, принадлежит ли она Сенеке¹³².

14. Сохранились, кроме того, два выдающихся утешения о смерти детей, одно «К Марции», дочери Сеяна, некоего могущественного мужа, другое «К матери Гельбии». Написал он, кроме того, и некоторые другие книги, от которых у нас не осталось и следа, ибо он, как сообщают, издал и «Против суеверий относительно языческих богов», и «О преждевременной смерти», и нечто «О поощрениях», как прямо и ясно свидетельствует Лактанций во многих книгах «Божественных установлений»¹³³, а кроме того, достопамятную книгу «О землетрясениях» и одну книгу «Об утешении» к некоему Поллиону. Кроме того писал он, как сообщает Квинтилиан, речи, стихи и диалоги, а если верить Иерониму, сочинил какие-то книги «О браке»¹³⁴. Из них мы не смогли найти ничего, кроме ссылок на упомянутые книги, разве что кто-нибудь пожелает под «стихами» понимать трагедии и сочтет, что Квинтилиан так и думает¹³⁵.

¹²⁹Petr. Sen. 2.4. Ни одно из четырех перечисленных произведений ныне не приписывается Сенеке.

¹³⁰Ни одна не атрибутируется Сенеке.

¹³¹Ныне атрибутируется Сенеке Ритору.

¹³²Восс. Esp. IV.1.

¹³³Lactant. Div. inst. 1.5.26.

¹³⁴Quint. Inst. X.1.129; Hier. Adv. Iov. II.

¹³⁵В Латинской антологии есть несколько эпиграмм, приписанных Сенеке.

15. И все эти памятники своих занятий он оставил, несмотря на то, что много препятствовали ему многочисленные и разнообразные заботы, как частные, так и государственные, и что непрестанные удручали его недуги. Ведь и дела обширного своего имения, и жена, и дети, и, кроме того, государственные обязанности по большей части так его отвлекали, что он не мог посвящать себя рассмотрению великих и высочайших предметов, как ему хотелось; отсюда очевидно, что он был наделен несравненными и исключительными дарами природы. В самом деле, он был весьма богат и состоятелен, владея в Риме обширными и прекраснейшими садами, о чем один небезызвестный поэт говорит так:

...и сад великого Сенеки пышный Запер¹³⁶.

И Корнелий Тацит, историк, упоминая те же сады, рассматривает сады Сенеки в одном ряду с Саллюстиевыми садами¹³⁷. Владел он также несколькими пригородными поместьями; ведь, как явствует из его писем к Луцилию, он одновременно располагал номентанским, альбанским и многими другими подобными имениями близ города. Кроме того, он был весьма влиятелен при императоре Нероне, властвовавшем над вселенной, чьим образованием он занимался.

16. Женою его была Помпея Паулина, родившая ему много детей. Как сам он где-то сообщает, он любил ее несравненным образом и выше человеческой меры¹³⁸. Но хотя он и написал так, из-за невероятной его строгости мы не можем и не должны даже задаваться вопросом, относится ли к нему самому написанное им, как сообщают, в книге «О браке»: «Он говорит, что знал некоего выдающегося человека, который, собираясь выйти на люди, прикреплял на грудь женину повязку для волос и не мог часа прожить в ее отсутствие; этот человек и его жена не пили ничего, к чему не прикасались их губы поочередно»¹³⁹. Так как это, очевидно, плохо сочетается с мужеской серьезностью, глупо полагать, что это он говорит о себе. Ко всем этим многочисленным и разнообразным родам помех прибавлялась у него и великая забота о своем здоровье. Денно и ночью угнетали его многочисленные недуги, поскольку он одновременно страдал и от слабого желудка, и от болезненных истечений, и от диспноэ, а время от времени мучили его подагра и хирагра. И, пользуясь его словами, он испытал «все тяготы

¹³⁶Iuv. Sat. X.6 сл.

¹³⁷Tac. Ann. XIV.2. 2, ср. Tac. Ann. XIII.7.3.

¹³⁸Sen. Ep. 104.1-3.

¹³⁹Hier. Adv. Iov. II.

и опасности тела»¹⁴⁰, но всех прочих больше и обременительней, по его утверждению, было для него затрудненное дыхание — болезнь, которую греки обычно называют диспноэ, а мы — астмой.

17. Хотя были ему помехой столь великие и многообразные заботы и тяготы, он, как мы сказали, сделался учнейшим человеком и оставил много достопамятных свидетельств своей учености и образованности; и хотя, по моему мнению, он не был лишен красноречия, были такие, кто пренебрегал и гнушался его ученостью и слогом. Авл Геллий, человек исключительной учености, в книгах «Аттических ночей», говоря о Сенеке, выражается так: «Об Аннее Сенеке некоторые говорят как о писателе крайне малополезном, открывать книги которого нет никакого смысла, поскольку речь его кажется вульгарной и банальной, а его сюжеты и мысли полны или нелепым и пустопорожним напором, или же легковесной и, так сказать, колкой игривостью, а образованность у него доморощенная и плебейская, ничего не воспринявшая из древних писаний: ни их приятности, ни их достоинства. Другие же, не отрицая, что его слог не слишком изящен, отмечают, что в тех вопросах, которые он рассматривает, у него нет недостатка в знании и учености, а также в суровости и строгости при обличении порочных нравов, чем он и привлекает к себе. Мне нет нужды давать оценку его таланта в целом и высказывать критические замечания обо всех его сочинениях. Однако же мы представим здесь для рассмотрения те его фразы, где он высказывает суждения о Марке Цицероне, Квинте Эннии и Публии Вергилии». Указав причины, которые привели его к осуждению упомянутых авторов, Геллий говорит: «Мне уже досадно приводить слова Сенеки; тем не менее я не оставлю без внимания следующие остроты этого безрассудного и нелепого человека»; и, приведя затем стихи Квинта Энния о Цетеге, порицаемые Сенекой, он говорит: «Сенека, конечно, покажется достойным чтения и изучения молодым людям» и так далее¹⁴¹.

18. Квинтилиан же, хотя почитаемый автором строгим и серьезным, за всем тем мыслил и говорил о Сенеке легковесно и противоречиво; ведь слога его он отнюдь не одобрял, однако часто заимствовался у него примерами ораторского искусства, приводя примеры из него во многих местах своих «Установлений». Так, в восьмой книге этого сочинения он говорит: «Некоторые сентенции состоят из чистого повторения. Так

¹⁴⁰Sen. Ep. 54.2.

¹⁴¹Gell. NA. XII.2.1–2 и 11–12 (пер. А. Г. Грушевой, с небольшими изменениями).

у Сенеки в том послании, что Нерон отправил сенату после убийства матери, желая показать, что он был в опасности: „Что я жив, доселе тому не верю и не радуюсь“. И в девятой книге он говорит: «как Сенека в контroversии, существо которой в том, что отец, наущаемый сыном, застал другого сына и мачеху за прелюбодеянием и убил их». И в другом месте той же книги: «Сенекой отменно замечено, что это (клятва) — дело не защитников, а свидетелей»¹⁴².

19. Ученость и мнения Сенеки он, по-видимому, весьма хвалит, однако утверждает, что в философии ему недоставало основательности. Сколь эти и подобные замечания согласуются между собой и сколь приличествуют они серьезности этого писателя, настолько очевидно, что всякий читатель заметит существовавшую между ними враждебность — порок, в который Квинтилиан в своих сочинениях особенно впадает, когда желает его избежать. Так, в десятой книге своих «Установлений» он говорит: «Сенеку я откладывал в своем обсуждении всех видов слога из-за общего, хотя и ложного, убеждения, что я его осуждаю и даже почитаю неприятелем. Это приключилось, когда я пытался вернуть манеру испорченную и всякими пороками ослабленную к более строгим правилам». И немного позже, заявив, что Сенека «единственный был в руках юношей», он говорит, что «его дарование было подвижное и обильное, занятия усердные, обширная осведомленность. В философии он не весьма основателен, однако выдающийся обличитель пороков. У него много блестящих сентенций, и многое заслуживает чтения по нравственным основаниям, но в отношении слога его сочинения по большей части испорчены и тем пагубнее, что обилуют привлекательными пороками»¹⁴³. И далее он делает много разных замечаний в том же роде, так что приходится удивляться, как выдающийся и прославленный писатель высказывает столь разные и друг другу противоречащие мнения, а тем более в пределах одного рассуждения; если б я захотел принять сторону Сенеки, я мог бы ответить более чем удовлетворительно, и для защиты столь великого мужа мне, полагаю, достало бы красноречия. Одной вещи, однако, я вынужден удивляться больше прочих, а именно, каким образом мог Авл Геллий справедливо порицать здравую и полезнейшую ученость нашего Сенеки, всячески, и заслуженно, восхваляемую почти всеми писателями.

¹⁴²Quint. Inst. VIII.5.18; IX.2.42; IX.2.98.

¹⁴³Quint. Inst. X.1.125 и X.1. 128–129.

20. Но чтобы опровергнуть высказанное Авлом Геллием пустое и необдуманное суждение этой учености и знаний, я, опустив многочисленные и разнообразные суждения его книг, наполненные всяческим человеколюбием и великой мудростью, приведу веские мнения некоторых славных мужей, чтобы — коль скоро дело идет об авторитетах — сравнить авторитет помянутых авторов и Авла Геллия, грамматика, хотя и утонченнейшего человека. Плутарх, родом грек и искушеннейший в греческой словесности человек, философ важный и строгий, в своих знаменитых и прославленных сравнениях греков и латинян, называющихся по-гречески *Parallela*, сравнив с Платоном Варрона, с Гомером Вергилия, с Демосфеном Цицерона, не усомнился признаться, что не мог найти никого из греков, кого можно было бы сравнить с Сенекой в нравственном наставлении¹⁴⁴. Похвала великая, даже величайшая, особенно из уст философа, чужеземца и человека горделивого и обладающего обильными знаниями, «который нашего Юлия Цезаря, — как говорит один неизвестный автор, — сравнивал со своим Александром Македонским» или, что более примечательно, не усомнился сравнить деяния римского народа с фортуной Александра Великого в отдельной книге, которая по этой причине, как известно, именуется «О фортуне римского народа и Александра»¹⁴⁵.

21. Плиний, человек ученейший, говоря о Сенеке в четырнадцатой книге «Естественной истории», упоминает его в почтительных и хвалебных выражениях. Он понимает и открыто признает несравненную и исключительную его мудрость, которую называет «безмерной», соединенную с его ученостью и добродетелями¹⁴⁶. Корнелий Тацит, старинный и прославленный историк, в двенадцатой книге своих «Историй» утверждает, что Агрипина, жена Клавдия и мать Нерона, выпросила у своего мужа для Сенеки позволение вернуться из ссылки, которую, как мы сказали, он терпел на Корсике, а равно и претуру, и он пишет, что ее побудила просить об этом «его прославленная ученость»¹⁴⁷. Кроме того, Светоний в книге «О двенадцати Цезарях» говорит, что Сенека из-за несравненной его учености был дан в наставники Нерону, тогда еще отроку, коему вскоре предстояло стать императором¹⁴⁸. Квинтилиан,

¹⁴⁴Это утверждение приписал Плутарху Петрарка: Petr. Fam. xxiv.5.3–4.

¹⁴⁵Petr. Fam. xxiv.5.3–4.

¹⁴⁶Plin. HN. xiv.4.51.

¹⁴⁷Tac. Ann. xii.8.3.

¹⁴⁸Suet. Ner. 7.1.

который, как мы сказали, был ему враждебен как соперник в учености, не смог удержаться — побежденный силою истины, высшею силою, — и не превознести его учености: ведь, говоря о Сенеке где-то, он замечает: «Достаточно желать, чтобы они могли сравниться с этим мужем или хотя бы к нему приблизиться». Далее он упоминает, что Сенека писал речи, стихи, письма, диалоги и что он обладал великими познаниями¹⁴⁹.

22. И чтобы не заимствоваться больше свидетельствами языческих мужей, обратимся к людям ученым и святым. Лактанций, человек учнейший, красноречивейший и замечательный непорочностью жизни и чистотой нравов, во многих местах своих «Божественных установлений» возносит Сенеку до небес дивными похвалами. В одном месте он говорит так: «Если кто хочет знать яснее, почему Бог позволяет дурным и неправедным людям быть могущественными, счастливыми и богатыми, пусть возьмет ту книгу Сенеки, что называется „Почему с добрыми людьми происходит дурное, если есть провидение“, в которой он изложил многое, не с неведением о мирских вещах, но мудрым и божественным образом». И в другом месте: «Справедливо суждение Сенеки, говорящего в книгах моральной философии: „Он — тот человек досточтимый, не отмеченный ни алексом, ни пурпуром, ни свитою ликторов“»¹⁵⁰. И в ином месте он пишет: «Увещевания свои Сенека заканчивает изумительной сентенцией: „Велико, — говорит он, — божество, нечто большее, чем можно помыслить, которому мы жизнью своей служим. Предадимся же ему. Нет пользы в запертом сознании; откроется Богу“. Может ли кто, знающий Бога, сказать что-то справедливее, чем этот человек, не ведающий истинной веры? Он ведь выразил и величие Бога, говоря, что оно больше, чем может вместить человеческое разумение, и коснулся самого источника истины, понимая, что человеческая жизнь не бесполезна, как думают эпикурейцы, но что прожившие праведно и благочестиво послужили своей жизнью Богу. Он мог быть истинным читателем Бога, если бы кто-нибудь ему показал, или отверг бы Зенона и своего наставника Сотииона, если бы нашелся ему вожатай к истинной мудрости. „Предадимся же ему“, говорит: речь прямо небесная» и так далее¹⁵¹. И немного дальше, говоря о некоторых языческих жертвоприношениях, он замечает: «Сколь Сенека лучше и вернее Платона, когда говорит: „Хотите ли помыслить Бога

¹⁴⁹Quint. Inst. X.1. 127–128.

¹⁵⁰Lactant. Div. inst. VI.2.11; VI.7.28.

¹⁵¹Lactant. Div. inst. VI.5.1–2.

великим и безмятежным, внушающим страх в своем кротком величии, дружественным и всегда достижимым, достойным почитания не жертвоприношениями и обильным кровопролитием — какая же отрада в заклании жертв? — но чистым умом, добрым и честным намерением? Храмы ему должно не возводить в высоты нагроможденных камней, но освящать каждому в своем сердце¹⁵².

23. Коротко говоря, человек этот красноречивейший и по святости своей неложный любитель истины, оказал такое почтение Сенеке в своих цитациях, что был склонен предпочесть его всем прочим древним и славным философам. Кроме того, Иероним, человек святейший и ученейший, как можно видеть, так восхвалял Сенеку, что в книге «О знаменитых мужах» не усомнился поместить его в перечне святых. Его слова таковы: «Л. Анней Сенека Кордубский, ученик стоика Сотиона и дядя поэта Лукана, был человек весьма воздержной жизни. Я не включил бы его в перечень святых, если б не побуждали меня читаемые многими письма Павла к Сенеке и Сенеки к Павлу. В них Сенека, хоть и наставник Нерона и могущественнейший человек своего времени, говорит, что желает занимать у своих то же место, какое Павел у христиан»¹⁵³. Из этих слов нельзя усомниться, что Иероним признавал его мудрейшим и ученейшим мужем, ибо он говорит, что тот воспринимал апостола Павла как проповедающего нечто новое, темное и превышающее укоренившиеся мнения почти всех людей.

24. Августин в шестой книге «О граде Божием», как представляется, всячески восхваляет Сенеку, коль скоро, очевидно, предпочитает его своему Варрону, мужу ученейшему и красноречивейшему, которого по огромности его знаний считает невозможным достойно похвалить. Так, говоря между прочим, что два рода теологии, по утверждению Варрона, были у древних, а именно, поэтическая и гражданская, он замечает: «Такой вольности Варрон не имел: он отважился порицать только поэтическую теологию, гражданскую же тронуть не решился», а Сенека в книге против суеверий, касающихся языческих богов, нападал на нее жестоко и сильно. В этой книге он «порицает эту гражданскую и городскую теологию гораздо подробнее и сильнее, чем Варрон — театральную и баснословную», и так далее. И немного выше он говорит, что Анней Сенека, «судя по некоторым указаниям, процветал во времена

¹⁵²Lactant. Div. inst. VI.5.3.

¹⁵³Hieron. De vir. ill. 12 (PL 23: 629–630).

наших апостолов»¹⁵⁴. И разве апостол Павел, «сосуд избрания и учитель язычников», как кто-то говорит¹⁵⁵, в письмах, кои он писал Сенеке, не изумляется, как можно видеть, его учености, скорее божественной, чем человеческой?¹⁵⁶

25. Это немногое из многого, взятое у Плутарха, Плиния, Корнелия, Светония, Квинтилиана, а также Лактанция, Иеронима, Августина и, наконец, апостола Павла, столь великих и выдающихся мужей, — достаточный ответ суждению Авла Геллия. Ведь если мы сравним эти веские и строгие суждения упомянутых, столь святых и столь славных, мужей с одним-единственным грамматиком Авлом Геллием, никто в здравом уме не подумает, что Геллий не должен тотчас им уступить. Что до его слога, я могу по справедливости ответить тем, что говорит Цицерон об Эпикуре в первой книге «О пределах». Он говорит так: «Язык этого философа меня ничуть не раздражает, потому что слова его выражают то, что он хочет сказать, и говорит он совершенно понятно для меня. Да я и не считаю красноречие лишним для философа, если он им обладает, но и не требую слишком настойчиво, если его нет»¹⁵⁷. Так и я, как кажется, могу справедливо ответить насчет, так сказать, непохвального красноречия нашего Сенеки. Ведь хотя он был напоен предписаниями ораторского искусства, как мы сказали, однако усердствовал в занятиях философией и считал себя более всего философом. Поэтому если он, помимо своей несравненной учености, сдобренной и окропленной, словно некоей солью, дивным остроумием слога, смог стяжать красноречие Цицерона или Лактанция, кои были, как известно, из всех латинян красноречивейшими, мы не можем сомневаться, что он заслуживает много большей похвалы; если же нет, то его нельзя порицать за отсутствие того, что никак не принадлежит роду его деятельности.

26. Кроме того, внимательно читающим его сочинения и тщательно, как подобает, рассматривающим и, так сказать, обнюхивающим отдельные предметы будет явственно видно и то, что он хотел выразить, и что он выражается с ясностью. Но ораторам следует пользоваться одним слогом, философам же — другим; ведь ораторы обыкновенно распространяют и украшают то, что говорят, блестящими словами, а задача философов — излагать свои мысли прямо и ясно. Насчет Квинтилиана

¹⁵⁴August. De civ. VI.0.

¹⁵⁵Деян.9:15.

¹⁵⁶Манетти, как большинство его современников, считал переписку Сенеки с апостолом Павлом подлинной.

¹⁵⁷Cic. Fin. I. 5.15 (пер. Н. А. Федорова).

следует добавить и то, что, хотя оба они были испанцы и отличались ученостью, однако питали такую взаимную ревность, что один другого силился принизить. Кроме того, не будем забывать, что то же самое случилось с Платоном и Варроном (чтобы говорить о славнейших писателях обоих языков), Гомером и Вергилием, Фукидидом и Ливием, Демосфеном и Цицероном и — чтобы не умолчать о святых мужах — с Евсевием и Иеронимом и всеми прочими величайшими и почтеннейшими писателями о любом предмете, как греческими, так и латинскими: на них недостойно и несправедливо нападали хулители. Избежать этого никоим образом было нельзя, как сообщает о самом себе Цицерон, разве что решить не писать вовсе¹⁵⁸. И если бы наш Сенека не был человеком ученейшим и осведомленнейшим, его никак не выбрали бы наставником отроку Нерону, уже усыновленному Клавдием и намеченному быть властителем мира.

27. Я вставил это рассуждение не потому, что думаю, что сам предмет нуждается в одобрении, но скорее чтобы дать полный и исчерпывающий ответ грамматiku Авлу Геллию, столь жестокому и столь безрассудному его порицателю. Итак, Сенека был, как мы сказали, человек ученейший, во всех свободных искусствах наставленный, но преимущественно прославился в философии. Он предпочел мужественное и зрелое учение стоиков прочим мнениям иных философов, как слабым и женственным. Сей школы он почитался как бы наставником и вождем, всех проницательнейшим.

28. Тело его было безобразно, слабо, подвержено многообразным недугам и хило, но он сносил все это невозмутимо; он мало спал, а поэтому постоянно исследовал разнообразные красоты своих вилл и часто предпринимал небольшие путешествия ради прогулки. Жену свою Паулину, родившую ему, как мы сказали, много детей, он до того любил, что, по собственному признанию, превышал в любви к ней человеческую меру¹⁵⁹. У него было два брата, Галлион и Мела, из которых один, как пишут, был выдающийся оратор, другой — отец поэта Лукана. Вот слова Евсевия о братьях Сенеки: «Юний Анней Галлион, брат Сенеки, выдающийся оратор, убил себя собственной рукой в присутствии Нерона, который его осудил». О Меле он говорит так: «Л. Анней Мела, брат Сенеки и Галлиона, получил от Нерона имущество поэта Лукана,

¹⁵⁸Cic. Tusc. II.1.3.

¹⁵⁹Sen. Ep. 104.1-3, 5.

своего сына»¹⁶⁰. И чтобы не упоминать по отдельности каждое событие его жизни, скажу самым кратким и самым правдивым образом, что во всем нравственном поведении своей жизни он удостоился высочайших похвал от всех писателей, за одним лишь исключением: говорят, что он многословно восхвалял бедность, однако сам был привержен богатствам больше, чем подобает философу.

29. То, за что наш Петрарка порицает Сенеку в одном письме, которое представляет посланным ему в преисподнюю, не должно принимать всерьез: он порицает, как нечто постыдное и отнюдь не подобающее философу, то, что Сенека чрезмерно льстит Нерону в посвященных ему книгах «О милосердии». На мой взгляд, несравненной мудрости сего человека следует приписать то, что он вел себя у императора во дворце так, что он один, пришлец и чужеземец, казалось, царствовал в городе — властители и царе уже всего мира. Ведь «в этом человеке, — пишет Корнелий Тацит, — было остроумие приятное и соответствовавшее вкусу его времени»¹⁶¹. В самом деле, по смерти Клавдия он сочинил надгробную речь, которой Нерон воспользовался на похоронах: в ней умерший император превозносился до небес большими, нежели подобало, похвалами. Да ведь и сам Петрарка во многих местах своих книг превозносит Сенеку до небес столь великими и отменными похвалами, что, подумаешь, он не в силах похвалить этого человека достаточно. В одном письме он называет его «несравненным», говоря его собственными словами, «наставником нравов», а в другом месте, в книге «Достопамятных вещей», выражается так: «Л. Анней Сенека, кордубец родом, но римлянин доблестью, стяжал, говорят, божественное богатство памяти даже до чудесного» и далее тем же примечательным образом говорит прочие вещи в том же роде, полные разными похвалами и одобрением¹⁶².

30. Что до его богатств — из-за которых порицал его среди прочих и блаженный Августин, ибо он, хотя и восхвалял бедность, всегда был весьма богат¹⁶³ — на это можно справедливо ответить: богатства по общему согласию философов суть или благо, как считали перипатетики, или удобство, как думали стоики. А так как ни один философ не считает богатство злом, нельзя порицать того, кто им наделен. Блаженный Августин не сделал бы этого, если б ему, как я полагаю, не казалось,

¹⁶⁰Eus. Hier. Chron. (PL 27: 587–590).

¹⁶¹Tac. Ann. XIII.3.2.

¹⁶²Petr. Fam. XXIV.5.5; Petr. Rer. mem. II. ext.6.1–3.

¹⁶³August. De civ. VI.0.1–3.

что в похвале бедности этот богатейший человек превышает меру. Но что нужды говорить об этом дальше? Никто ведь не отрицает, что сам он был человек воздержнейшей и скромнейшей жизни, как выражается один небесславный поэт:

Сенека нравам Рим научает своими устами,
Нравов ваятель отменный, возделывать душу искусный,

и так далее¹⁶⁴.

31. Итак, поскольку Сенека благодаря своим несравненным и невероятным добродетелям не только сделался из кордубского гражданина римским, но и отправлял высочайшие римские должности, как мы сказали, и вдобавок стал наставником Нерона, почитался при нем могущественнейшим человеком и сделался крайне богат и состоятелен, возбудил против себя скрытую зависть некоторых весьма могущественных людей, сию порчу и пагубу царств (она долго таилась), так что из-за неких козней завистников и недоброжелателей он был потом умерщвлен императором. Но чтобы дело выступило яснее, вернемся к его началу.

32. Афрания Бурра и Аннея Сенеку, «известных опытностью во многих делах», как пишет Тацит¹⁶⁵, Нерон избрал, предпочтя всем прочим, дабы пользоваться их советами. «Они были руководителями императорской юности и различными способами достигли равного влияния: Бурр — заботами о войске и строгостью нравов, Сенека — наставлениями в красноречии и любезностью без подлости»¹⁶⁶. Этим двум несравненным и славнейшим мужам император доверял и на них полагался до такой степени, что, убежденный их увещаниями, удерживался от различных убийств. Корнелий говорит так: «Дело шло к убийствам, если б не вмешались Афраний Бурр и Анней Сенека»¹⁶⁷. Тот же Корнелий сообщает: «Когда послы армян защищали перед Нероном дело своего народа, она (Агриппина) готовилась подняться на императорское возвышение и отвечать им, если бы Сенека, в то время как все оцепенели от боязни, не посоветовал принцепсу пойти навстречу приближающейся матери. Так под видом сыновней почтительности было отвращено бесчестье»¹⁶⁸.

33. Позднее, однако, когда Бурр, получив яд вместо лекарства для больного горла, умер, его смерть весьма ослабила могущество Сенеки,

¹⁶⁴Alan. Anticlaud. 1.5–136.

¹⁶⁵Тас. Ann. XIII.6.4.

¹⁶⁶Тас. Ann. XIII.2.1.

¹⁶⁷Тас. Ann. XIII.2.1.

¹⁶⁸Тас. Ann. XIII.5.3.

ибо Нерон поставил на место Бурра некоего Тигеллина, склонившись на частые увещания Помпеи Сабинны, которую он раньше любил больше всех, а после смерти Октавии, своей сестры и супруги, взял себе в жены. Эта женщина, как считали, была враждебна Сенеке, потому что знала, что он хотел отвлечь и оторвать Нерона от любви к ней. Хотя Сенека и прежде знал о ее враждебности, но, только увидев насильственную смерть своего друга Бурра и его замещение своим неприятелем Тигеллином, он решил, не медля более, удалиться оттуда, чтобы таким образом позаботиться о своем спасении, если иного способа нет.

34. Поэтому он неотступными мольбами добивался от Нерона позволения по нездоровью и старости оставить свои публичные заботы и занятия, а чтобы легче достичь этого, обещал избавиться от всего своего несметного имения и удалиться к покою и одиночеству. Нерон, говорят, прямо и недвусмысленно отверг эту просьбу и, чтобы отнять у него всякое подозрение, принес клятву, обещая, что никакого вреда Сенеке не будет. И чтобы придать своим словам больше веры, он клялся снова и снова, что, по словам Светония, «скорее умрет, чем причинит ему вред»¹⁶⁹. Связанный этим императорским принуждением, Сенека не смог уйти свободно, как хотел, но, нисколько не доверяя обещаниям и клятвам своего ученика, хоть и императора (ведь он знал всю его подноготную), извинял себя плохим здоровьем и старостью. И поэтому он мало-помалу отстранялся не только от дворца, но и от города, и день ото дня все больше и больше отрешался от всех гражданских и публичных занятий, предавался скитаниям по полям Кампании и винил зараженный воздух города, мало подходящий его природе.

35. Затем, после того как открылся заговор Пизона, некоего весьма знатного человека, и многие римские граждане всех сословий были схвачены и убиты, Сенека как якобы причастный этому заговору был обвинен в оскорблении величия. Некий Антоний Натал, схваченный в помянутом заговоре, будучи истязаем на дыбе, признаниями своими выдал, что Сенека был причастен заговору. Этот человек, схваченный Нероном в оном заговоре, будучи им спрошен, кто именно злоумышлял против его величия, когда приготовлены были ужасные путы, первым назвал Пизона. Затем прибавил Аннея Сенеку, или потому что тот был другом Пизону, или чтобы этим упоминанием Сенеки снискать благосклонность Нерона, ибо он уже прежде уразумел враждебность импера-

¹⁶⁹Suet. Ner. 35.5.

тора Сенеке¹⁷⁰. В этом заговоре, кроме Пизона и Антония, устроителей и вождей возмущения, и многих иных римских граждан, осужденных вследствие сего на смертную казнь, по той же причине осужден на смерть и поэт Лукан, племянник Сенеки.

36. Воспользуюсь словами Евсевия: «М. Анней, кордубец, поэт, схваченный в заговоре Пизона, подставил врачу руку, чтобы рассечь жилы»¹⁷¹; его имущество, уже отданное фиску, Л. Анней Мела, его отец, получил от Нерона, как мы сказали выше. Около этого времени Сенека вернулся из Кампании на свою номентанскую виллу, примерно в четырех милях от города. Нерон, известившись о его возвращении, тотчас послал к нему некоего Силлана, префекта преторианской когорты, с приказанием умереть, ибо своим отсутствием он заронил подозрение, что был осведомлен и причастен Пизонову заговору; он ведь был близкий друг Пизона. К этому прибавилось, что этот Натал, зачинщик заговора, своим признанием подтвердил это подозрение Нерона. Итак, Силан, повинувшись императору, пришел к нему в дом и застал Сенеку с Паулиной и несколькими друзьями за обедом. Изложив приказ Нерона, он потребовал, чтобы Сенека покончил с собой. Поскольку иного выхода не было, Сенека сначала попытался утешить свою жену Паулину, а затем не замедлил умереть с храброй и мужественной душой.

37. Так как по велению Цезаря, которому противиться было нельзя, ему следовало умереть, он избрал кончину через рассечение жил, как поэт Лукан, его племянник. Но так как этот род смерти действовал слишком медленно и затягивал жизнь дольше, нежели ему хотелось, Сенека настоятельно просил врача Стация Аннея, своего родственника и друга, коему случилось там быть, чтобы, так как ему придется так или иначе умереть, не усомнился дать ему яда. Врач, уступив его просьбам, дал ему яда, как он добивался, и таким образом, в бассейне с теплой водой, вскрыв жилы и выпив яда, он умер, о чем Евсевий говорит так: «Л. Анней Сенека, кордубец, наставник Нерона и дядя поэта Лукана, умер, вскрыв жилы и выпив яда»¹⁷².

38. Умер Сенека за два года, как говорит Иероним, «до того, как Петр и Павел», князи апостолов, «увенчались мученичеством»¹⁷³, уже почти изнуренный старостью; ведь ко времени своей смерти он достиг

¹⁷⁰Tac. Ann. xv.6 и 6o.

¹⁷¹Eus. Hier. Chron. (PL 27: 586).

¹⁷²Eus. Hier. Chron. (PL 27: 587–588).

¹⁷³Hieron. De vir. ill. 12 (PL 23: 629–630).

более чем столетнего возраста. Если, как сам он прямо свидетельствует в книге «Декламаций», он «мог бы познакомиться с оным дарованием», несомненно, говоря о Цицероне, «которое одно у римского народа было равно его державе», не помешай ему «ярьость гражданских войн», ясно, что ко времени своей смерти он был старше ста лет. Ведь от того нечестивого и преступного триумvirата Октавия, Лепида и Антония, при котором Цицерон, как известно, был убит, до одиннадцатого года Нерона, когда, как мы сказали, умер Сенека, прошло больше ста лет. В самом деле, Октавиан один, победив Антония, держал власть больше сорока лет. Если к ним прибавить двенадцать лет триумvirата, двадцать три года Тиберия и почти четыре Гая Калигулы, четырнадцать Клавдия и, наконец, одиннадцать лет Нерона — столько лет царили они, сменяя друг друга, — все это время, сосчитанное вместе, или достигает примерно столетия, как мы сказали, или, скорее, превышает его.

39. Причиной его смерти называют то, что он, как мы вкратце рассказали, оказался замешан в Пизоновом заговоре, направленном против Нерона; но точно ничего не известно. Иные говорят, что он погиб из-за ненависти и враждебности Агриппины. Были и такие, кто считал, что это случилось из-за ненависти весьма могущественных граждан, поскольку он достиг великих и высочайших санов, будучи чужаком, иноземцем и незнатного рода, превзойдя римских граждан и знатных мужей в почестях и славе. Были и такие, кто обвинял в этом бесчеловечную жестокость Нерона и чрезмерную его свирепость против всего рода людского. Если же кто скажет, что удивительно ему, как Нерон мог убить кого-то без нужды и без причины, пусть посмотрит на жестокие и нечестивые деяния этого немилостивого и лютого царя, и прежде всего взглянет на Британника, убитого ядом, затем вспомнит об убийении матери, отца, смерти тетки и наконец — о кончине Октавии, его сестры и супруги.

40. И когда все эти и многие иные преступные и бесчеловечные дела, совершенные Нероном, он рассмотрит снова и снова и вызовет их в памяти, несомненно, перестанет удивляться, что тот — бывший убийцею брата и матери, тетки, сестры и жены — дабы пьесу доиграть до конца, убил без причины и несправедно наставника своего, ученейшего и мудрейшего мужа. Мнения, что Сенека погиб невинным и безгрешным, держались, как считается, некоторые ученейшие и превосходнейшие мужи. Корнелий Тацит во многих местах своих «Историй», по-видимому, мыслит так же, когда пишет, что в отношении заговора не было известно ничего достоверно, и особенно когда говорит, что Нерон был столь

жесток, что его жестокость далеко опережала сетования и жалобы всех людей¹⁷⁴. И Боэций мыслит так же, говоря в книге «Об утешении»: «Если же ни бегство Анаксагорово, ни Сократов яд, ни Зеноновы муки тебе не ведомы, затем что это дела чужестранные, мог ты, однако, знать о Каниях, мог о Сенеках, мог о Соранах, память о коих и не ветхая, и не темная. Не что иное ввергло их в гибель, как то, что, в наших нравах», то есть философских, поскольку в этом утешительном диалоге выведена говорящей Философия, «воспитанные, выглядели они в своих занятиях столь несхоже с дурными людьми»¹⁷⁵.

41. К этому прибавляется общее мнение почти всех писателей, которые, говоря о безмерной свирепости Нерона, к многообразным лютым и бесчеловечным деяниям этого царя не колеблясь причисляют нечестивое убийство наставника. Кроме того, если наш Сенека был причастен помянутому заговору и о том молчал, чтобы погибла столь великая и беспримерная жестокость императора, я считаю — таково мое мнение — что это следует приписать выдающимся доблестям благородного мужа, и я настолько далек от того, чтобы хулить храброго и стойкого мужа за это молчание, что даже почитаю его заслуживающим высших похвал. Тело его, убитого вышеописанным образом, было сожжено без всяких погребальных церемоний.

42. Теперь, когда мы написали это немного о занятиях, нравах и жизненном поприще твоего Сенеки, или скорее нашего (ведь память о нем, ради несравненных и бесчисленных его добродетелей, я лелею в душе и в уме с величайшей приязнью и благоговением), остается кратко изложить, сколько было Сенек. Двух Сенек породила Кордуба, о чем свидетельствуют как все испанцы, так и Сидоний Аполлинарий, писатель небеславный¹⁷⁶. Один из них был тот, о котором мы написали, другой же, как считается, — автор трагедий. Но так как обычно сомневаются в том, каким из двух Сенек сочинены эти трагедии, я решил привести доводы в пользу этого сомнения, чтобы яснее выступило, какое мнение выглядит правдоподобнее.

43. Очевидно, что было некое собрание благородных и очаровательных трагедий, написанных изящными стихами и переведенных Сенекой на латынь из множества греческих авторов. Но каким именно Сенекой это сделано, есть обоснованные сомнения. Ведь говорят, что кажется

¹⁷⁴Tac. Ann. XIV.5.2; XV.45.5; 56.2; 60.3.

¹⁷⁵Boet. Cons. I. pr.3. 9–10.

¹⁷⁶Sid. Apoll. Carm. 23.162.

нелепым и с нравами его несколько не согласным, чтобы наш философ и строжайший стоик сочинял такого рода стихи, а ведь очевидно, что он был строжайший философ и самый суровый из стоиков, и недостоверно, что он вообще писал стихи. Есть такие, кто считает нашего Сенеку автором этих трагедий, может быть, под влиянием того, что он сам в пору юности весьма наслаждался поэзией, а кроме того, склоненные к этому свидетельствами Корнелия Тацита, Квинтилиана и, возможно, Августина. Первый из них в своих «Историях» пишет, что среди прочего порицали Сенеку за сочинение стихов, а второй сообщает, что он писал стихи¹⁷⁷. Августин же в пятой книге «О граде Божиим» говорит так: «Это стихи, если не ошибаюсь, Аннея Сенеки»:

Властитель неба, мой отец, веди меня
Куда захочешь! Следую не мешкая,
На все готовый. А не захочу — тогда
Со стонами идти придется грешному,
Терпя все то, что претерпел бы праведным.
Покорных рок ведет, влечет строптивого¹⁷⁸,

взяв, несомненно, эти стихи из какой-то трагедии. Немного дальше, в шестой книге того же сочинения, он говорит: «Анней Сенека в книге против суеверий» и так далее, как если бы он считал моралиста и автора трагедий одним человеком¹⁷⁹. С этим мнением соглашается и наш Петрарка в одном из своих посланий¹⁸⁰.

44. Некоторые иные небесславные и ученые мужи приписывают то же сочинение другому Сенеке, возможно, считая доказательством этому ту трагедию, что называется «Октавией», поскольку в ней Агриппина, мать Нерона, ясно и недвусмысленно предсказывает и предвещает смерть Нерона, случившуюся после убийства Сенеки. Ведь и помянутый Сидоний утверждает то же ясно и недвусмысленно в таких стихах:

Не рассчитывай здесь найти витийство,
Чей из Кордубы род, сынами славной,
Из которых косматого Платона
Чтит один и Нерона учит тщетно,
А другой Еврипидову колеблет
Сцену, вслед за Эсхилом устремляясь
Или с плектром звенящим за Феспидом,

¹⁷⁷Tac. Ann. XIV.52.3; Quint. Inst. X.1.128.

¹⁷⁸August. De civ. V.8; Sen. Ep. 107.11 (пер. С. А. Ошерова).

¹⁷⁹August. De civ. VI.0.

¹⁸⁰Petr. Fam. IV.6.9.

Кои, помост котурнами истерши,
Уводили козы пахучей мужа¹⁸¹.

И Боккаччо и Колюччо, отменные новые поэты, бывшие незадолго до нашего времени, соглашались с этим мнением¹⁸².

45. Примечая, однако, что этот старый и древний и, право, пустой спор со всех сторон укреплен многочисленными доводами и разнообразными свидетельствами, мы предпочли скорее оставить его неясным и нерешенным, чем решать сомнительными и неверными доказательствами, и сочли, что лучше оставить грамматикам исследовать эти праздные и бесполезные вещи, нежели впустую тратить время, драгоценнейший из припасов, на изыскания в ничтожных и малейших предметах. Итак, оставим разрешать эти вопросы, каковы бы они ни были, грамматикам и преподавателям словесности, и поручим им эту задачу легковесных споров, дабы со всем тщанием и усердием взвешивали этот предмет считающие нужным изучать до старости детские и вздорные вещи, которые и детям было бы позорно изучать. Но они спорят меж собой, и досель в судилище тяжба¹⁸³, и, думаю, вечно там будет; и если бы желанное сбывалось, я бы хотел, чтоб этот спор никогда не прекратился, так как у них в обыкновении исследовать эти и подобные безделицы во всякое время, отложив все прочее. Но случись занять их несколько более веским заботам, публичным или частным, — они, несомненно, отвратились бы от мыслей о столь малых и ничтожных и попросту вздорных вещах. Был, кроме этих двух, третий Сенека, знаменитый епископ Иерусалимский¹⁸⁴.

46. Итак, если, яснейший и славнейший государь — наконец возвращаемся к тебе как бы из долгого изгнания — ты прилежно рассмотришь все, что нами выше написано об этих двух замечательнейших и мудрейших мужах, не сочтешь, я полагаю, нашего сравнения несправедливым. Прежде всего, оба были безобразны телом, но прекрасны душой и умом; далее, оба долго прожили, оба имели жену и детей, вдобавок оба отправляли должности в своем городе и цвели в разное время в богатых и славных государствах. Оба, кроме того, были, как известно, люди, весьма приверженные мудрости и отменнейшие философы своего времени; оба, наконец, самые умеренные и справедливые мужи, напоследок

¹⁸¹Sid. Apoll. Carm. 9.230–238.

¹⁸²Восс. Esp. iv. 141; Salut. Ep. i.

¹⁸³Hor. Ars P. P. 78.

¹⁸⁴Euseb. Hist. eccl. iv.5.

самым незаконным образом умерщвленные из-за зависти и враждебности могущественных людей. Однако в немногом, а лучше сказать — в одном были они, как представляется, несхожи. Один был крайне беден, другой крайне богат, хотя, как выше сказано, каждый из них мог стяжать обширное богатство и могущество.

СОКРАЩЕНИЯ

- Alan. Anticlaud. *Lille A. de. Anticlaudianus / sous la dir. de R. Bossuat. — Paris : Vrin, 1955.*
- Apul. De deo Soct. *Apuleius. De deo Socratis // Apuleius : Apologia. Florida. De deo Socratis / trans. from the Latin by C. Jones. — Cambridge : Loeb Classical Library, 2017. — (Loeb Classical Library ; 534).*
- Apul. De dog. Plat. *Apuleius. De dogmate Platonis // Apulei Platonici Madaurensis opera quae supersunt / hrsg. von C. Moreschini. — Stuttgart, Leipzig : Teubner, 1991.*
- Arist. Eth. Nic. *Aristoteles. Ethica Nicomachea // Aristotle in Twenty Three Volumes. Vol. 19. Nicomachean Ethics / trans. from the Ancient Greek by H. Rackham. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1926. — (Loeb Classical Library ; 73).*
- Arist. Soph. el. *Aristotle. Sophistici elenchi // On Sophistical Refutations. On Coming-to-be and Passing Away. On the Cosmos / trans. from the Ancient Greek by E. S. Forster, D. J. Furley. — Cambridge : Loeb Classical Library, 1955. — (Loeb Classical Library ; 400).*
- August. De civ. *Augustine. City of God : in 7 vols. / trans. from the Latin by G. McCracken, W. Green, D. Wiesen. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1957–1972. — (Loeb Classical Library ; 411–417).*
- August. Conf. *Augustine. Augustine : in 2 vols. / trans. from the Latin by C. Hammond. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2014–2016.*
- Bas. Ad. *Basilio di Cesarea. Discorso ai Giovani / a cura di M. Naldini ; trad. dal greco da L. Bruni, M. Naldini. — Florence : Nardini, 1984. — (Biblioteca Patristica ; 3).*
- Bocc. Esp. *Boccaccio G. Tutte le opere di G. Boccaccio. In 6 voll. Vol. 6 / a cura di V. Branca. — Milano : Milano Mondadori, 1965.*

- Boet. Cons. *Boethius*. De consolatione Philosophiae // De consolatione Philosophiae. Opuscula theologica / Ed. C. Moreschini. — Leipzig, 2005. — P. 3–162.
- Cic. Acad. *Cicero*. Academica // Cicero : On the Nature of the Gods. Academica / trans. from the Latin by H. Rackham. — Cambridge : Loeb Classical Library, 1933. — (Loeb Classical Library ; 268).
- Cic. Brut. *Cicero*. Brutus // Brutus. Orator / trans. from the Latin by G. L. Hendrickson, H. M. Hubbell. — Cambridge : Loeb Classical Library, 1939. — (Loeb Classical Library ; 342).
- Cic. De or. *Cicero*. De oratore / Ed. K. Kumaniecki. — Leip., 1995.
- Cic. Div. *Cicero*. De divinatione // De divinatione. De fato. Timaeus / M. T. Cicero ; Ed. O. Plasberg, W. Ax. — Leipzig : De Gruyter, 2011.
- Cic. Fat. *Cicero*. De fato // On the Orator. Book 3. On Fate. Stoic Paradoxes. On the Divisions of Oratory / trans. from the Latin by H. Rackham. — Cambridge : Loeb Classical Library, 1942. — (Loeb Classical Library ; 349).
- Cic. Fin. *Cicero*. De finibus bonorum et malorum / Ed. C. Moreschini. — Munich, Leipzig : De Gruyter, 2005.
- Cic. Off. *Cicero*. De officiis ad Marcum filium libri tres / komm. von O. Heine. — Berlin, 1878.
- Cic. Tusc. *Cicero*. Tusculanae Disputationes / Ed. M. Pohlenz. — Leipzig : Teubner, 1918.
- Cic. Sen. *Cicero*. Cato Maior de senectute / éd. établie et trad. par P. Willeumier. — Paris, 1961.
- Dig. Corpus Iuris Civilis. En 2 t. T. 1. Digesta Iustiniani Augusti recognovit adsumpto in operis societatem : trad. du latin par / sous la dir. de P. Kruegero, M. Th. — Berlin : Weidmann, 1870.
- Diog. Laert *Diogenis Laertii*. Vitae philosophorum : In 3 Bde. / hrsg. von M. Marcovich. — Stuttgart-Lipsia : Teubner, 1999–2002.
- Eus. Hier. Chron. *Hieronymus*. Interpretatio Chronicae Eusebii // Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri opera omnia / Ed. J.-P. Migne. — Paris, 1866. — P. 34–676. — (Patrologia Latina ; 27).
- Euseb. Hist. eccl. *Eusebius*. Ecclesiastical History : in 2 vols. : trans. from the Greek by / ed. by K. Lake, J. E. L. Oulton. — Cambridge : Loeb Classical Library, 1926–1932. — (Loeb Classical Library ; 153).

- Euseb. Praep. evang. *Eusebius*. Praeparatio evangelica // Eusebii Pamphili opera omnia. Partie 3 / Ed. J.-P. Migne. — Paris, 1820. — P. 1458. — (Patrologia Graeca ; 21).
- Gell. NA. *Aulus Gellius*. Attic Nights : in 3 vols. / trans. from the Latin by J. Rolfe. — Cambridge : Loeb Classical Library, 1926–1927. — (Loeb Classical Library ; 195/200/212).
- Hier. Adv. Iov. *Hieronymus*. Adversus Iovinianum libri duo // Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri opera omnia / Ed. J.-P. Migne. — Paris, 1883. — P. 221–352. — (Patrologia Latina ; 23).
- Hieron. Apol. *Hieronymus*. Apologia adversus libros Rufini // Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri opera omnia / Ed. J.-P. Migne. — Paris, 1845. — P. 397–492. — (Patrologia Latina ; 23).
- Hieron. De vir. ill. *Hieronymus*. Liber de viris illustribus // Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri opera omnia / Ed. J.-P. Migne. — Paris, 1845. — P. 602–720. — (Patrologia Latina ; 23).
- Hieron. Ep. ad Paul. *Hieronymus*. Epistola ad Paulinum // Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri opera omnia / Ed. J.-P. Migne. — Paris, 1857. — P. 540–549. — (Patrologia Latina ; 22).
- Hom. Il. *Homerus*. Ilias / hrsg. von H. van Thiel. — Hildesheim, Zurich, New York : Georg Olms, 1996.
- Hor. Ars P. *Quintus Horatius Flaccus*. Ars poetica // Satires, Epistles and Ars Poetica / Horace ; trans. from the Latin by H. R. Fairclough. — London, Cambridge (MA) : W. Heinemann, Harvard University Press, 1926. — (Loeb Classical Library ; 194).
- Iust. Epit. *Iustin*. Abrégé des Histoires Philippiques de Trogue Pompée : en 2 t. : trad. du latin par / sous la dir. de B. Mineo. — Paris : Les Belles Lettres, 2003.
- Iuv. Sat. *Iuvenalis*. Satirae // Juvenal and Persius / ed. and trans. by S. M. Braund. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2004. — (Loeb Classical Library ; 91).
- Lactant. Div. inst. *Lactantius*. Divinae institutiones // Opera omnia / Ed. J.-P. Migne. — Paris, 1844. — P. 111–822. — (Patrologia Latina ; 6).
- Petr. Fam. *Petrarca*. Epistolae familiares // Le Familiari : trad. dal latino da. — Firenze : Le Lettere, 1997.
- Petr. Rer. mem. *Petrarca*. Rerum memorandarum libri / a cura di G. Billanovich. — Firenze : G.C. Sansoni, 1945.

- Petr. Sen. *Petrarca. Res seniles // Le Senili : trad. dal latino da / a cura di G. Martellotti. — Torino : Einaudi, 1976.*
- Plat. Ap. *Plato. Apologia // Euthyphro. Apology. Crito. Phaedo. Phaedrus / ed. by H. N. Fowler. — Cambridge, MA, 1904.*
- Plat. Cri. *Plato. Crito // Euthyphro. Apology. Crito. Phaedo. Phaedrus / ed. by H. N. Fowler. — Cambridge, MA, 1904.*
- Plat. Grg. *Plato. Gorgias // Lysis. Symposium. Gorgias / trans. from the Ancient Greek by W. R. M. Lamb. — Cambridge (MA) : Heinemann, 1925a.*
- Plat. Phd. *Plato. Phaedo // Euthyphro. Apology. Crito. Phaedo. Phaedrus / ed. by H. N. Fowler. — Cambridge, MA, 1904.*
- Plat. Symp. *Plato. Symposium // Lysis. Symposium. Gorgias / trans. from the Ancient Greek by W. R. M. Lamb. — Cambridge (MA) : Heinemann, 1925b.*
- Plin. HN *Plinius. Naturalis historia : In 5 Bde. : Aus dem Lateinischen übers. von / hrsg. von J. Mayhoff. — Leipzig : Teubner, 1897–1933.*
- Quint. Inst. *Quintilianus. Institutio oratoria : in 5 vols. / Ed. D. Russell. — Cambridge (MA), London, 2001.*
- Salut. Ep. *Coluccio Salutati. Epistolario / a cura di F. Novati. — Roma, 1891–1911.*
- Sen. Ben. *Seneca. De beneficiis // Moral Essays. In 3 vols. Vol. 3. De Beneficiis / ed. and trans. by J. Basore. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1935a. — (Loeb Classical Library ; 310).*
- Sen. Controv. *Seneca. Controversiae // Seneca the Elder : Declamations. In 2 vols. Vol. 2. Controversiae, Books 7–10. Suasoriae. Fragments / trans. from the Latin by M. Winterbottom. — Cambridge : Loeb Classical Library, 1974. — (Loeb Classical Library ; 463).*
- Sen. De ira. *Seneca. De ira // Moral Essays. In 3 vols. Vol. 1. De Providentia. De Constantiade Ira. De Cementia / ed. and trans. by J. Basore. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1935b. — (Loeb Classical Library ; 214).*
- Sen. Ep. *Seneca. Epistles : in 3 vols. / ed. by R. M. Gummere. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1917–1925. — (Loeb Classical Library ; 450).*
- Sid. Apoll. Carm. *Sidonius Apollinaris. Carmina // Poems. Letters. In 2 vols. Vol. 1. Poems. Letters: Books 1–2 / ed. and trans.*

- by W. B. Anderson. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1936. — (Loeb Classical Library ; 296).
- Suet. Calig. *Suetonius. Gaius Caligula // The Lives of the Caesars. In 4 vols. Vol. 1. Julius. Augustus. Tiberius. Gaius. Caligula / Ed. J. Rolfe ; trans. from the Latin by J. Rolfe. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1914. — (Loeb Classical Library ; 31).*
- Suet. Ner. *Suetonius. Nero // The Lives of the Caesars. In 4 vols. Vol. 1. Claudius. Nero. Galba, Otho, and Vitellius. Vespasian. Titus, Domitian. Lives of Illustrious Men: Grammarians and Rhetoricians. Poets (Terence. Virgil. Horace. Tibullus. Persius. Lucan). Lives of Pliny the Elder and Passienus Crispus / Ed. J. Rolfe ; trans. from the Latin by J. Rolfe. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1914. — (Loeb Classical Library ; 38).*
- Tac. Ann. *Tacitus. Annalium ab Excessu Divi Augusti Libri / Ed. C. D. Fisher. — Oxford : Oxford University Press, 1906.*
- Val. Max. *Valerius Maximus. Memorable Doings and Sayings : in 2 vols. / ed. by D. R. Shackleton Bailey. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2000. — (Loeb Classical Library ; 492/493).*
- Xen. Mem. *Xenophon. Memorabilia / Ed. C. Hude. — Leip., 1891.*

Manetti, G. 2020. "Zhizneopisaniya Sokrata i Seneki [Vita Socratis et Senecae]" [in Russian], trans. from the Latin and annot., with an introd., by E. R. Andreyeva and R. L. Shmarakov. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* IV (1), 229–290.

GIANNOZZO MANETTI

VITA SOCRATIS ET SENECAE

Translation of: Manetti, Giannozzo. 2003. *Biographical Writings* [in English and Latin]. Ed. and trans. from the Latin by S. U. Baldassari and R. Bagemihl. The I Tatti Renaissance Library 9. Cambridge (MA): Harvard University Press.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-1-229-290.

REFERENCES

- Apuleius. 1991. "De dogmate Platonis" [in Latin]. In *Apulei Platonici Madaurensis opera quae supersunt*, ed. by C. Moreschini. Stuttgart and Leipzig: Teubner.
- . 2017. "De deo Socratis" [in English and Latin]. In *Apuleius : Apologia. Florida. De deo Socratis*, trans. from the Latin by Chr. Jones. Loeb Classical Library 534. Cambridge: Loeb Classical Library.
- Aristoteles. 1926. *Ethica Nicomachea* [in Ancient Greek and English]. In *Nicomachean Ethics*, vol. 19 of *Aristotle in Twenty Three Volumes*, trans. from the Ancient Greek by H. Rackham. Loeb Classical Library 73. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Aristotle. 1955. "Sophistici elenchi" [in English and Ancient Greek]. In *On Sophistical Refutations. On Coming-to-be and Passing Away. On the Cosmos*, trans. from the Ancient Greek by E. S. Forster and D. J. Furley. Loeb Classical Library 400. Cambridge: Loeb Classical Library.
- Augustine. 1957–1972. *City of God* [in Latin and English]. Trans. from the Latin by G. McCracken, W. Green, and D. Wiesen. 7 vols. Loeb Classical Library, 411–417. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 2014–. 2016. *Augustine* [in Latin and English]. Trans. from the Latin by C. Hammond. 2 vols. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Aulus Gellius. 1926–1927. *Attic Nights* [in Latin and English]. Trans. from the Latin by J. Rolfe. 3 vols. Loeb Classical Library, 195/200/212. Cambridge: Loeb Classical Library.
- Basilio di Cesarea. 1984. *Discorso ai Giovani [Oratio ad adolescentes]* [in Greek, Latin, and Italian]. Ed. by M. Naldini. Trans. from the Greek by L. Bruni and M. Naldini. Biblioteca Patristica 3. Florence: Nardini.
- Boccaccio, Giovanni. [in Italian]. Vol. 6 of *Tutte le opere di G. Boccaccio*, ed. by V. Branca. 6 vols. Milano: Milano Mondadori.
- Boethius. 2005. *De consolatione Philosophiae* [in Latin]. In *De consolatione Philosophiae. Opuscula theologica*, ed. by C. Moreschini, 3–162. Leipzig.
- Cicero. 1878. *De officiis ad Marcum filium libri tres* [in Latin]. Ed. by O. Heine. Berlin.
- . 1918. *Tusculanae Disputationes* [in Latin]. Ed. by M. Pohlenz. Leipzig: Teubner.
- . 1933. "Academica" [in English and Latin]. In *Cicero : On the Nature of the Gods. Academica*, trans. from the Latin by H. Rackham. Loeb Classical Library 268. Cambridge: Loeb Classical Library.
- . 1939. "Brutus" [in English and Latin]. In *Brutus. Orator*, trans. from the Latin by G. L. Hendrickson and H. M. Hubbell. Loeb Classical Library 342. Cambridge: Loeb Classical Library.
- . 1942. "De fato" [in English and Latin]. In *On the Orator. Book 3. On Fate. Stoic Paradoxes. On the Divisions of Oratory*, trans. from the Latin by H. Rackham. Loeb Classical Library 349. Cambridge: Loeb Classical Library.
- . 1961. *Cato Maior de senectute* [in Latin]. Ed. and trans. by P. Wuilleumier. Paris.
- . 1995. *De oratore* [in Latin]. Ed. by K. Kumaniecki. Leipzig.
- . 2005. *De finibus bonorum et malorum* [in Latin]. Ed. by C. Moreschini. Munich and Leipzig: De Gruyter.
- . 2011. *De divinatione* [in Latin]. In *De divinatione. De fato. Timaeus*, by M. Tullius Cicero, ed. by O. Plasberg and W. Ax. Leipzig: De Gruyter.
- Coluccio Salutati. 1891–1911. *Epistolario* [in Latin and Italian]. Ed. by F. Novati. Roma.
- Diogenes Laertii. 1999–2002. *Vitae philosophorum* [in Ancient Greek]. Ed. by M. Marcovich. 3 vols. Stuttgart-Lipsia: Teubner.

- Eusebius. 1820. "Praeparatio evangelica" [in Greek]. In *Eusebii Pamphili opera omnia*, ed. by J.-P. Migne, bk. 3, 1458. Patrologia Graeca 21. Paris.
- . 1926–. 1932. *Ecclesiastical History* [in Greek and English]. Ed. by K. Lake and J. E. L. Oulton. 2 vols. Loeb Classical Library 153. Cambridge: Loeb Classical Library.
- Hieronymus. 1845. "Apologia adversus libros Rufini" [in Latin]. In Hieronymus 1845, 397–492.
- . 1845. "Liber de viris illustribus" [in Latin]. In Hieronymus 1845, 602–720.
- . 1857. "Epistola ad Paulinum" [in Latin]. In *Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri opera omnia*, ed. by J.-P. Migne, 540–549. Patrologia Latina 22. Paris.
- . 1866. "Interpretatio Chronicae Eusebii" [in Latin]. In *Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri opera omnia*, ed. by J.-P. Migne, 34–676. Patrologia Latina 27. Paris.
- . 1883. "Adversus Iovinianum libri duo" [in Latin]. In *Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri opera omnia*, ed. by J.-P. Migne, 221–352. Patrologia Latina 23. Paris.
- Homerus. 1996. *Ilias* [in Ancient Greek and German]. Ed. by H. van Thiel. Hildesheim, Zurich, and New York: Georg Olms.
- Iustin. 2003. *Abrégé des Histoires Philippiques de Trogue Pompée* [in Latin and French]. Ed. by B. Mineo. 2 vols. Paris: Les Belles Lettres.
- Iuvenalis. 2004. "Satirae" [in Latin]. In *Juvenal and Persius*, ed. and trans. from the Latin by S. M. Braund. Loeb Classical Library 91. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Kruegero, P., and Mommsen. Th., eds. *Digesta Iustiniani Augusti recognovit adsumpto in operis societatem* [in Latin and French]. Vol. 1 of *Corpus Iuris Civilis*. 2 vols. Berlin: Weidmann.
- Lactantius. 1844. "Divinae institutiones" [in Latin]. In *Opera omnia*, ed. by J.-P. Migne, 111–822. Patrologia Latina 6. Paris.
- Lille, Alain de. 1955. *Anticlaudianus* [in Latin and French]. Ed. by R Bossut. Paris: Vrin.
- Manetti, Giannozzo. 2003. *Biographical Writings* [in English and Latin]. Ed. and trans. from the Latin by S. U. Baldassari and R. Bagemihl. The I Tatti Renaissance Library 9. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Petrarca. 1945. *Rerum memorandarum libri* [in Latin and Italian]. Ed. by G. Billanovich. Firenze: G.C. Sansoni.
- . 1976. "Res seniles" [in Latin]. In *Le Senili*, ed. by G. Martellotti. Torino: Einaudi.
- . 1997. "Epistolae familiares" [in Latin]. In *Le Familiari*. Firenze: Le Lettere.
- Plato. 1904. "Apologia" [in Ancient Greek]. In Plato 1904.
- . 1904. "Crito" [in Ancient Greek]. In Plato 1904.
- . 1904. *Phaedo* [in Ancient Greek]. In *Euthyphro. Apology. Crito. Phaedo. Phaedrus*, ed. by H. N. Fowler. Cambridge, MA.
- . 1925a. "Gorgias" [in Ancient Greek and English]. In *Lysis. Symposium. Gorgias*, trans. from the Ancient Greek by W. R. M. Lamb. Cambridge (MA): Heinemann.
- . 1925b. "Symposium" [in Ancient Greek and English]. In Plato 1925.
- Plinius. 1897–1933. *Naturalis historia* [in Latin and German]. Ed. by J. Mayhoff. 5 vols. Leipzig: Teubner.
- Quintilianus. 2001. *Institutio oratoria* [in Latin]. Ed. by D. Russell. 5 vols. Cambridge (MA) and London.
- Quintus Horatius Flaccus. 1926. "Ars poetica" [in Latin]. In *Satires, Epistles and Ars Poetica*, by Horace, trans. from the Latin by H. R. Fairclough. Loeb Classical Library 194. London and Cambridge (MA): W. Heinemann, Harvard University Press.
- Seneca. 1917–1925. *Epistles* [in Latin and English]. Ed. by R. M. Gummere. 3 vols. Loeb Classical Library 450. Cambridge (MA): Harvard University Press.

- . 1935a. *De beneficiis* [in Latin and English]. In *De Beneficiis*, vol. 3 of *Moral Essays*, ed. and trans. from the Latin by J. Basore. 3 vols. Loeb Classical Library 310. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 1935b. “De ira” [in Latin and English]. In *De Providentia. De Constantiade Ira. De Cementia*, vol. 1 of *Moral Essays*, ed. and trans. from the Latin by J. Basore. 3 vols. Loeb Classical Library 214. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 1974. “Controversiae” [in Latin and English]. In *Controversiae, Books 7–10. Suasoriae. Fragments*, vol. 2 of *Seneca the Elder : Declamations*, trans. from the Latin by M. Winterbottom. 2 vols. Loeb Classical Library 463. Cambridge: Loeb Classical Library.
- Sidonius Apollinaris. 1936. *Carmina* [in Latin and English]. In *Poems. Letters: Books 1–2*, vol. 1 of *Poems. Letters*, ed. and trans. from the Latin by W. B. Anderson. 2 vols. Loeb Classical Library 296. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Suetonius. 1914. *Gaius Caligula* [in Latin and English]. In *Julius. Augustus. Tiberius. Gaius. Caligula*, vol. 1 of *The Lives of the Caesars*, ed. and trans. from the Latin by J. Rolfe. 4 vols. Loeb Classical Library 31. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 1914. *Nero* [in Latin and English]. In *Claudius. Nero. Galba, Otho, and Vitellius. Vespasian. Titus, Domitian. Lives of Illustrious Men: Grammarians and Rhetoricians. Poets (Terence. Virgil. Horace. Tibullus. Persius. Lucan). Lives of Pliny the Elder and Passienus Crispus*, vol. 1 of *The Lives of the Caesars*, ed. and trans. from the Latin by J. Rolfe. 4 vols. Loeb Classical Library 38. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Tacitus. 1906. *Annalium ab Excessu Divi Augusti Libri* [in Latin]. Ed. by C. D. Fisher. Oxford: Oxford University Press.
- Valerius Maximus. 2000. *Memorable Doings and Sayings* [in Latin and English]. Ed. by D. R. Shackleton Bailey. 2 vols. Loeb Classical Library, 492/493. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Xenophon. 1891. *Memorabilia* [in Latin]. Ed. by C. Hude. Leipzig.